
ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

1760 год

Празднование Нового года. - Приготовления к кампании. - Свидетельствование артиллерии. - План кампании. - Движение Солтыкова. - Переписка его с конференциею. - Отступление Солтыкова и болезнь его. - Он сдает главное начальство над армиею Фермору. - Занятие Берлина русскими и оставление его ими. - Вторая неудача под Кольбергом. - Приезд к армии нового главнокомандующего графа Бутурлина. - Отступление его к Висле на зиму. - Переговоры с Австриею насчет вознаграждения России за войну. - Отношения к Дании. - Смерть Мих. Петр. Бестужева-Рюмина. - Смена Лопиталья в Петербурге Бретейлем. - Сношения с Англиею о вознаграждении России за войну. - Отозвание Панина из Стокгольма. - Назначение на его место графа Остермана. - Сношения с Польшею и Турциею. - Внутренние распоряжения. - Затруднительное положение финансов. - Потеря. - Состояние городов. - Знаменитый указ 16 августа. - Пополнение Сената. - Новый генерал-прокурор князь Шаховской. - Его столкновения с графом Петр. Ив. Шуваловым. - Важнейшие судебные решения. - Крестьянские восстания. - Конференция Сената с Синодом об управлении церковными именьями. - События в Тобольске и Иркутске. - Столкновение Сената с конференциею.

Новый год был начат воспоминанием побед прошлого года, побед, каких не было с славных времен Петра Великого, и потому имелось право сопоставить время отца с временем дочери. В Петербурге сожжен был великолепный фейерверк: представлено жестокое сражение при Франкфурте и одержанная россиянами преславная победа. Над местом ужасного сражения видно было раскаленное солнце с именем Великия Елисаветы, а по сторонам два великолепные здания, знаменующие две великие победы. Потом представлена на воздухе Слава, вниз подающая Вечности, сидящей на древнем камне и описывающей дела ее величества, два лавровые венца, означающие две победы - Пальцигскую и Франкфуртскую. Затем представлен был великолепный храм славы Петра Великого как основателя нынешнего России благополучия; сквозь двери во внутренности храма видно было поясное изображение величайшего монарха Петра Великого.

Но преславные победы Петра Великого повели к преславному миру, и главная забота дочери состояла в том, чтобы хотя несколько сравняться с отцом в этом отношении. Честный для России и ее союзников мир мог быть заключен только при совершенном сокрушении сил прусского

короля, и Елисавета сказала Эстергази: "Я не скоро решаюсь на что-нибудь, но если я уже раз решилась, то не изменю моего решения. Я буду вместе с союзниками продолжать войну, если бы даже я принуждена была продать половину моих платьев и бриллиантов".

3 января послано было главнокомандующему графу Солтыкову приказание приехать на малое время в Петербург, а войско сдать в команду графу Фермору. Призыв этот последовал вследствие донесения Солтыкова, что он не знает, в какую сторону двинется армия в будущую кампанию, и потому удерживается от посылки отрядов для нанесения вреда неприятелю; если армия двинется вправо, т. е. в Померанию, то можно посылкою отрядов оголодить эту еще не тронутую страну; если же посылать отряды влево, то эта сторона и так уже совсем истощена. Еще до отъезда Солтыкова в Петербург явился в армию артиллерийский генерал-поручик Глебов для того, чтоб в присутствии фельдмаршала, всего генералитета, офицеров и даже солдат, хотя по небольшому числу с роты, сделать обстоятельное сравнение новой артиллерии с старою и тем решить все сомнения. Уведомляя о своих распоряжениях, сделанных для производства этого сравнения, Солтыков писал: "Так как я принял в рассуждение те худые следствия, каковые от пересказов присутствовавшего при том солдатства легко произойти могут, вместо того что их в безмолвном послушании приказываемому содержать, а отнюдь повода и случая к рассуждениям о подобных делах им не подавать, то для сего во всеижайшем уповании всевысочайшей апробации смелость я принял командирование к свидетельству артиллерии рядовых солдат отменить". Но всевысочайшей апробации не последовало; в ответном рескрипте Солтыков прочел: "Мы сие для того за нужно почитали, чтоб тем скорее и точно о сильном преимуществе новой артиллерии пред старою рядовых уверить; и ныне в сем намерении, а паче уважая, что, сколь ни верно было помянутое свидетельство и сколь ни доказано тем преимущество новой артиллерии, может быть, не произведет той пользы, какая желательна, дабы вкоренившееся сумнение о новой артиллерии в армии, а особливо в рядовых солдатах уничтожить, если им ясно и навсегда преимущество оной доказываемо и толковано не будет их командирами, вам чрез сие повелеваем всему армейскому генералитету наставление подать, дабы те штаб - и обер-офицерам и офицеры рядовым при всех случаях толковать и внушать старались, для вкоренения в них большей на новую артиллерию надежды, и что она действительно в их собственную пользу и по своему действию, конечно, превосходнее и сильнее неприятельской, под опасением за неисполнение им строгого взыскания".

Свидетельство артиллерии началось в Мариенвердере 28 января и продолжалось 29, 30 и 31 чисел, после чего отправлен был в Петербург подробный журнал, подписанный всеми присутствовавшими генералами, с приложением такого общего вывода: "Хотя новоизобретенная артиллерия пред старою натурально преимуществва имела, когда трехфунтовая пушка с

двенадцатифунтовым единорогом, да потому ж и прочия орудия сравниваемы были; но как между тем искусство (опыт) минувших кампаний доказало, что как одна, так и другая артиллерия в своем роде нужна и полезна, следовательно, и впредь с успехом употребляема быть может, то в сем рассуждении, равно как и по долговременной привычке к прежней артиллерии не только артиллерийских нижних служителей, но в случае нужды и солдат, нижеподписавшиеся за полезно находят содержать при армии как прежние пушки и мортиры, так и новоизобретенные орудия".

Немедленно после свидетельства артиллерии Солтыков отправился в Петербург, где 7 марта подал свое мнение о плане будущей кампании. По этому мнению, слава русского оружия приобретена и утверждена победами над таким неприятелем, который побеждал все другие армии, кроме русской; эту славу надобно сохранять, и потому не должно вступать в генеральную битву с этим отчаянным неприятелем, разве имея на своей стороне гораздо превосходнейшие силы. Русская армия может выступить в кампанию, имея не более 60000 человек пехоты и регулярной кавалерии; а такое войско не очень превосходит силы, которые неприятель может употребить против русской армии, если будет допущен к тому союзниками. Так как неприятель, находясь в собственных землях, имеет более способов скрывать свои движения, а быстрота движений короля прусского всем довольно известна, то необходима большая предосторожность, чтоб он не мог тайком с превосходными силами приблизиться к нашей армии так, что без предосуждения нельзя будет уклониться от генерального сражения. Поэтому считается за полезнейшее до приведения прусской армии союзниками в большее изнеможение не только не переправляться через реку Одер, не только не предпринимать осады лежащих на ней крепостей, но даже и не приближаться к этой реке без великой предосторожности, а, следуя австрийскому примеру, стараться приводить неприятеля в изнеможение более стеснениями, чем победами, от которых собственные силы чувствительно убавляются.

На этом основании план будущей кампании можно было, по мнению Солтыкова, начертать таким образом: 1) овладеть всею Помераниею до крепостей по реке Одере и принять меры так в ней утвердиться, чтоб можно было остаться в ней зимовать. 2) Занять в самом начале кампании Данциг как для собственной безопасности, так и для отнятия у неприятеля выгод, ибо он получает из Данцига хлеб, вербует там людей, покупает лошадей и получает хорошую монету для переделки в свою. 3) По занятии Данцига идти внутрь Померании до реки Праги, устроить тут укрепленный лагерь и отправить корпус для осады Кольберга, прикрывая осаду главною армиею. 4) Можно надеяться, что во время осады Кольберга союзники что-нибудь да сделают над неприятелем, что откроет лучший способ в продолжение военных действий; но если даже они ничего значительного не сделают, то, взявши Кольберг, снабдя его небольшим гарнизоном, устроив магазины и оставя позади себя все большие тягости, двинуться к реке

Одеру, показывая неприятелю вид, что намерены перейти реку Одер и овладеть Берлином. 5) Этим движением неприятель будет принужден отделить значительные силы для отвращения грозящей ему опасности, чем должны воспользоваться союзники и напасть на него с превосходными силами. 6) Если союзники разобьют неприятеля, то русское войско приступит к осаде какой-нибудь крепости на Одере. 7) Но если бы русскому войску и не удалось овладеть какою-нибудь крепостью на Одере, то занятием всей Померании сохранится слава оружия, сохранится армия и получится более надежды на мир, ибо неприятель потеряет значительную часть своих владений.

Но этот план не был принят. 30 апреля императрица подписала другой план кампании, в предисловии к которому говорилось: "Если б нынешнюю войну с королем прусским производили мы одни, или если бы дело состояло только в том, чтоб удержать за нами Пруссию в тех границах, в каких мы ею теперь владеем, или если бы нам надобно было вести оборонительную войну, то не было бы почти нужды много заботиться о планах операций; достаточно было бы только содержать армию в хорошем состоянии, быть в готовности на всякий случай и предпринимать только то, на что укажут сами обстоятельства. Но так как мы ведем войну вместе с императрицею-королевою и дело идет не о том только, чтоб удерживать в нашем владении Пруссию, но о том, чтоб исполнить наши обязательства, восстановить короля польского в его наследственных владениях, сократить силы короля прусского, исполнить то, что мы многократно обещали торжественными объявлениями, и не показать меньшего усердия тогда, когда война приходит к концу и когда мы должны ожидать плодов войны по мере нашего содействия, когда должны ожидать признательности союзников и всей Европы за доставляемую ей тишину и безопасность сокращением сил короля прусского, то нельзя иначе начертать план военных действий нынешнего года, как с согласия императрицы-королевы, тем более что, какие бы многочисленные силы венский двор ни собрал против короля прусского, все же их не будет достаточно, чтоб положить конец войне по желанию; также надобно признаться, что, как бы ни были славны успехи нашего оружия, нельзя пользоваться его успехами без содействия австрийских сил. Последняя, для нашего оружия и для вашего имени столь славная кампания больше всего доказывает эту истину. Самое решительное Франкфуртское сражение, где король прусский считал все потерянным, конца войне не положило, когда наша армия за отдаленностью мест не могла воспользоваться своим успехом, а граф Даун подкреплять и снабжать ее по надобности не хотел или не мог, о чем, однако, здесь распространяться не хотим, чтоб не вспоминать всего того, что было в этом деле неприятного.

Поэтому между нами и императрицею-королевою уже составлен план общих действий нынешнего года и состоит в следующем: 1) императрица-королева сверх собранной в Саксонии армии соберет еще другую - в Лузании и будет стараться прогнать оттуда неприятельские войска. 2)

Наша армия должна двинуться к реке Одере между Франкфуртом и Глогау. Конечно, план этот несогласен с вашим; но, кроме того что вам не были известны настоящие намерения венского двора, ваше собственное мнение очень легко может быть соглашено с новым планом, если будут больше объяснены главные основания. Вы рассуждали как искусный генерал, пекущийся о сохранении армии и приобретенной уже славы, и притом имели перед глазами только прошедшие примеры. Мы, напротив того, принуждены брать в уважение, сколько с начала усиления короля прусского истощено наше государство рекрутскими поборами, умножением армии и всегдашним содержанием великих сил на лифляндских границах в готовности к тому, чтоб удерживать короля прусского от вредных его предприятий; сколько раз империя наша находилась в крайней опасности, если бы Оттоманская Порта вознамерилась объявить нам войну и мы были бы принуждены обороняться против нее и в то же время опасаться со стороны Пруссии. Необходимость заставляла нас рано или поздно самим начать эту войну, если бы даже король прусский не начал ее, ибо этот прежде от всех своих соседей зависевший государь захотел наконец все дворы привести в зависимость от себя; он всего от всех требовал, а сам никого ни в чем не хотел удовольствовать и начатием настоящей войны показал, что не позволит, чтоб венский двор сделал малейшее движение в собственных землях своих. Если король прусский в нынешнюю войну ослаблен не будет, то значение его несравненно более увеличится, ибо свет увидит, что он непобедим; а наше и союзников наших влияние много пострадает, ибо мы и тогда ничего сделать не могли, когда само провидение так устраивало все обстоятельства, чтоб дать нам торжество. В таком случае империя наша если бы и не подверглась большей, чем венский двор, опасности, однако гораздо более была бы исключена из участия в европейских делах, ибо король прусский, стоя на дороге, пресекал бы навсегда нам сообщение с венским двором и мы оставались бы окружены или неприятелями, или ненадежными соседями. Долговременное содержание в готовности значительных сил на лифляндских границах, конечно, больше стоило нашему государству, нежели самая нынешняя война, а потому дальнейшее продолжение войны станет несравненно дороже, чем окончание ее в одну кампанию, как бы дорого эта кампания ни обошлась.

Мы были всегда того мнения, что не следует отваживаться на безвременное и ненадежное сражение; но прошлогодние примеры научают нас, что теперь тем менее надобно опасаться генеральных сражений, чем кровопролитнее и отчаяннее они тогда были. Тогда король прусский имел совершенно другое понятие о наших войсках. Ему казалось невозможным, чтоб они могли стоять против прусских, потому что или давно в настоящей войне не были, или воевали больше с необученными народами, тем более что австрийские войска, бывшие в постоянной войне и часто победителями, очень редко, однако, стояли против прусских. Поэтому при начале войны он не сомневался, чтоб одной Левальдовой армии не было достаточно для сокрушения всех наших сил. Как скоро Егерсдорфское

сражение ему не удалось, то он принял другие меры: Пруссию покинул; и когда в 1758 году армия наша вступила в Померанию, покорила большую часть ее и обратила в пепел Кюстрин, то та же Левальдова армия под начальством графа Дона уже не смела вблизи показаться. Всегда с огорчением вспоминаемое Цорндорфское сражение внушило ему другую идею о нашей армии. Он основательно по нем заключил, что армия наша допускает на себя напасть, как неприятелю хочется, что есть множество способов причинить ей крайний вред, но трудно или невозможно одержать совершенную победу: так велика храбрость и разбитых солдат; но тут же он мог убедиться, что стоит только поставить против нашей армии небольшой корпус, и она не тронется с места, пока время года не принудит к отступлению. Поэтому-то прошлого года король прусский решился Донову или Веделеву армию выслать к Познани, вовсе не считая ее достаточно сильною, чтоб победить нашу или остановить там, но будучи уверен, что наша армия в виду его не тронется, тем менее нападет на его армию и понапрасну, бесславно простоят всю кампанию около Познани. Так бы и случилось, если б вы не ускорили приездом своим туда и не приняли благоразумного и мужественного намерения идти прямо в неприятельские земли.

Теперь надобно, чтоб король прусский получил о нашей армии совершенно новое понятие. Оставалось ему успокоить себя, что при Пальциге было не генеральное сражение: довольно одной Франкфуртской битвы для уверения его и всего света, что наша армия и тогда еще не побеждена, когда получены над нею все выгоды. Действительно, какая армия не пришла бы в смятение и не обратилась в бегство, когда и во фланг взята, и знатная ее часть сбита, артиллерии много потеряно, а наибольшая часть ее находится в бездействии. При Франкфурте вы доказали, что твердость и здравый рассудок повелевающего и послушание солдатства одерживают совершеннейшие победы и тогда, когда нельзя ожидать ничего, кроме гибели. После Цорндорфа и Франкфурта король прусский убедился, что нападать на нашу армию бесполезно, тем более что она сама никогда не нападет на его армию, следовательно, предупреждать нападение нет надобности: при наступлении осени русская армия возвратится на реку Вислу, какую бы победу ни одержала, зачем же отваживаться на битву с нею? Верьте нам, что неприятельская смелость происходит наиболее оттого, что он никак не ожидает нападения и что он так назойливо и нахально никогда не приблизился бы к нашей армии, если бы хотя однажды какой-нибудь его корпус подвергся нападению. По нашему мнению, теперь меньше, чем когда-либо, надобно ожидать таких сражений, каких нельзя было бы избежать.

Великая еще теперь сравнительно с прежними кампаниями разность состоит в том, что тогда армия наша ходила все по таким местам, которые ей совсем были незнакомы. Теперь для похода нельзя сыскать такого места, о котором бы не было полного сведения. Прошлого лета оставалось некоторое опасение, не произвела ли Цорндорфская битва дурного

впечатления на солдат. Но когда один указ наш и ваше прибытие столько подействовало, что солдатство уразумело, как бедственны ему были его послушание и пьянство, то не больше ли несравненно чувствует оно теперь нужду в слепом повиновении, когда уже видело две великие победы, одержанные повиновением и твердостью? Кавалерия теперь гораздо многочисленнее, чем была прежде, и, по собственному вашему объявлению, никогда не была в таком хорошем состоянии. Одним словом, мы уверены, что теперь вся армия с крайнею нетерпеливостью ожидает вашего прибытия и начатия кампании, чтоб под вашим предводительством показать новому отечеству услуги и приобретенную уже славу увенчать восстановлением желанного мира, и что каждый с нами почти завидовать стал бы, если бы и согласно желанию нашему граф Даун прежде вас или без вашего содействия сделал что-нибудь важное и решительное.

Представленное вами мнение очень основательно, и план расположен по воинским правилам. Мы жалеем, что кампанию 1758 года мы не тем велели начать и граф Фермор не тем окончил и не только нимало не старался уклониться от напрасной и принужденной битвы, но сам еще шел почти ей навстречу. Тогда война почти только что начиналась, а потому надобно было на всякий случай приготовить себе отступление. Но теперь обстоятельства совершенно другие. Пускай сверх нашего желания и ожидания случится, что и еще надобно будет давать одну кампанию, и она будет сделана; пускай надобно принимать к тому свои меры; но ничто на свете нашим интересам и общему делу так не может вредить, как уверенность, что нынешнюю кампанию война еще не кончится, почему и нужно делать приготовление еще на будущую кампанию. Война уже действительно приходит к концу; Англия и Пруссия сделали формальное предложение о конгрессе, и мы, и союзники наши не могли с приличием от него уклониться. Будет ли на конгрессе между союзниками такое же согласие, какое до сих пор было, - предвидеть нельзя; но видно то, что в случае скорого ослабления сил короля прусского энергическими действиями нашего и австрийского войска можно удержать при нашей стороне и прочих союзников, тогда как если мы станем в нынешнюю кампанию действовать не так ревностно, медленно, то нет сомнения, что истощенные уже союзники наши будут один за другим отставать от нас, каждый станет искать отдельного мира, будут входить в обязательство с королем прусским и, что всего хуже, за такую сильную нашу помощь вместо благодарности, может быть, еще станут нас упрекать, что мы, действуя нерешительно или медленно, сами искали отдельного мира и хотели их покинуть. Шведы тем только и крепятся, что королю прусскому об них думать некогда. Французский двор прямо открыл свое изнеможение, и если мы и императрица-королева не сделаем чего-нибудь важного прежде начатия мирных переговоров, то надобно опасаться, что он тотчас согласится на самые невыгодные условия. Императрица-королева, конечно, рада продолжать войну до последнего истощения, чтоб возвратить Силезию; но изнеможение ее уже так велико, что разве только в великих успехах нынешней кампании и в несумненной потому надежде,

что следующая кампания будет окончательная, найдет она новые средства. Иначе если мы станем действовать нерешительно, а другие и совсем начнут отставать, то нельзя будет ее упрекать, если она возвращение Силезии отложит до другого времени или и совершенно оставит мысль о нем. Одним словом, теперь одно из двух: или действовать в нынешнюю кампанию со всею силою и ожидать честного мира, или уже лучше и короче, не входя в новые убытки, принять такой мир, какой неприятель дозволит. Но вы знаете, как далеки мы от такого малодушия; мы уже сожалеем, что о том упомянули кстати. Да и никакой нужды нет вообразать, что война будет долговременна. Нет никакого препятствия, сомнения и опасения к походу нашего войска к реке Одере между Франкфуртом и Глогау; а когда армия наша благополучно на реку Одер придет и две австрийские будут находиться поблизости, имея с вами сообщение, то, чтоб положить войне конец, ничего больше не надобно, кроме согласия командующих, принятия скорых и полезных решений и ревностного старания об их исполнении".

С этим решением Солтыков и отправился назад к армии в Мариенбург, куда приехал только 31 мая. С июня в ведомостях начали появляться известия о незначительных успехах легких войск, бывших под начальством генерал-майора Тотлебена; потом появилось известие о победе австрийского генерала Лаудона в Силезии над прусским генералом Фукэ, причем весь неприятельский корпус частью был истреблен, частью попал в плен. Наконец, прочтено было в ведомостях известие, что 13 июня фельдмаршал Солтыков выступил из Мариенбурга и 24 приехал в Познань. Пятнадцатитысячный отряд войска был отправлен для вторичной осады Кольберга. Сначала Солтыков получал ободрительные рескрипты; но 15 июля пошел к нему такой рескрипт: "Мы хотели было пространно отвечать на ваши реляции (от 27 июня из Познани); но так как содержание этих реляций крайне смешано, одна другую совсем опровергает и нет способа распознать, на которую больше надобно полагаться, ибо, кроме того что все эти разночтения от одного числа писаны, в самых последних вы утверждаетесь на таких известиях, которых по большей части или и совершенно миновались; поэтому, чтоб не войти с вами в какое противоречие и чтоб не привести вас в смятение какими-либо точными предписаниями на такие неподлинные и неясные случаи, мы сочли за лучшее сослаться на последний наш рескрипт, в котором вам точно предписано предпринимать и приводить в действие все то, что общему делу полезно и может служить к решительному окончанию нынешней войны, и, напротив того, не вдавать нашу армию в напрасную и видимую опасность. При этом заметим, что нет никакой надобности в большом числе и пространстве ваших реляций; для нашего удовольствия и спокойствия надобно вам стараться о том, чтоб отправлять к нам как можно чаще порядочные реляции, наблюдая в сочинении их такой порядок: 1) коротко показать состояние дел и армии; 2) какие потом произошли перемены; 3) как теперь дела и армия остаются; 4) что вы поэтому намерены предпринимать или куда хотите направить поход.

Сожалительно и непонятно нам видеть такое в наличных деньгах оскудение, что офицеры за неполучением жалованья питаются одним провиантом с солдатами, ибо из приложенного рапорта обер-кригс-комиссара вы усмотрите, что по 30 мая на жалованье переведено 758000 рублей и еще отправляется; думаем, что и отправленные из коллегии Иностранных дел 350000 рублей к вам уже доведены и скоро и еще значительная сумма отправится. С нетерпением ожидаем от вас приятных доношений, не сомневаясь, что вы будете смотреть не на мелочи, а на главное дело и поревнуете умножить славу свою и нашего оружия, во время последней кампании приобретенную".

В июле в Петербурге сильно встревожились письмом генерала Шпрингера, находившегося с русской стороны при австрийской армии, и 18 числа послан был Солтыкову рескрипт: "К удивлению нашему, мы никакого от вас известия не имеем, а генерал-майор Шпрингер доносит от 6 числа, что король прусский и граф Даун находятся теперь в полном движении в Нижней Лузании, что король прусский старается соединиться с армиею брата своего принца Генриха, а граф Даун прилагает все силы воспрепятствовать этому намерению и сохранить сообщение со всеми своими корпусами. Мы спешим отправить к вам курьера не потому, чтоб опасались за нашу армию, но чтоб нынешняя кампания не сделалась не только такою же нерешительною, как последняя, но и менее славною для нашего оружия. От настоящего критического обстоятельства зависит теперь и пагубное продолжение войны, и благополучное ее окончание, ибо если прусскому королю удастся соединиться с принцем Генрихом, то надобно опасаться, чтоб он соединенными силами не побил графа Дауна или, если принимать в соображение великую осторожность последнего, не привел бы его в такое же бедствие, в каком находился он до сих пор, и это почти так же вредно, как и потеря сражения, ибо если летом ничего существенного сделано не будет, то в поздние месяцы уже ничем нельзя будет этого вознаградить. Прямое и надежнейшее средство к отвращению зла состоит в том, чтоб генерал Лаудон предпринял что-нибудь важное в Силезии и вы ускорили походом на Бреславль. Опасности тут не видим мы никакой, потому что не только Лаудон у вас впереди и пресекает путь принцу Генриху, но и все австрийские силы приблизились теперь к Силезии; а польза из того неописанная. Король прусский найдет в необходимости себя разделить, а вы, будучи прямою тому причиною, получите право управлять всеми операциями нынешней кампании. Но пусть даже и последует соединение короля с принцем Генрихом, пусть даже граф Даун будет побит; так как вы находились бы у него далеко за спиной и вблизи от Польши, то в таком неожиданном случае по крайней мере отступление ваше не подверглось бы опасности или затруднению".

По отправлении этого рескрипта получена от Солтыкова депеша от 6 июля. "Я, - писал фельдмаршал, - отнюдь такого мнения не есть и не буду, чтоб в рассуждении того, что австрийцы в минувшую кампанию не много сделали, с армиею вашего импер. величества ныне ничего не делать, паче

же за рабскую мою должность всегда поставлял, несмотря ни на какую в том разность, всевысочайшее соизволение и повеление точнейше и сколько возможно исполнять, а особливо ныне по дарованному от всевышнего австрийскому оружию в начале кампании толь знатному успеху (истребление корпуса Фукэ), крайнее старание прилагаю походом отсюда ускорить. Впрочем, всенижайше донести долженствую, что уже сюда прибывшие войска находятся, а особливо кавалерия, людьми и лошадьми в наилучшем и, можно смело сказать, в таком состоянии, в каком еще никогда не бывали. Сейчас получил я от цесарского генерала барона Лаудона письмо с росписью корпуса принца Генриха, из которого усмотреть изволите, что он теперь с своим корпусом находится вблизи города Лигница, что к Бреславлю в два или один форсированный марш прийти может и что, наконец, требует, чтоб вперед корпус войск вашего императ. величества к Бреславлю для занятия оного и завладения тамошними магазинами шел. Я ему немедленно ответствовать буду, что и я со всею вверенною мне армиею по прибытии сюда остальной третьей дивизии и коль скоро только некоторыми распоряжениями и пересушением сухарей исправиться можно, чрез несколько дней прямо к Бреславлю в поход вступлю и оным ускорять буду". От 10 июля Солтыков писал: "Хотя я в повеленный поход прямым путем тотчас вступить и оным ускорять не премину (дабы наградить то время, которое, к крайнему моему сожалению, упущено); но притом в необходимости нахожусь представить, что за расходом на заготовление провианта и за отпуском в полки на удовлетворение солдатства некоторою малою частию их жалованья, бывших при армии во всех департаментах небольшого числа денег, оных теперь нигде почти уже ничего налицо нет, да и из ассигнованных сюда ж провиантских, комиссариатских и других сумм ничего еще не привезено, и, где они теперь находятся, рапортов не имею, а, напротив того, от неполучения солдатством заслуженного жалованья сверх их умножающегося негодования начинают они и дезертировать: в минувшую неделю от всей армии около пятидесяти да и вчерашнего числа шесть человек. Я получил прусский от принца Генриха в Польше рассеянный манифест о намеряемом им вступлении в сие королевство; а с другой стороны, известия до меня доходят, якобы подлинно неприятель намерен походом своим прямо на Вислу армии вашего импер. величества диверсию сделать и сообщение с сею рекою пресечь. И хотя никоим образом верить нельзя, чтоб неприятель, не имея магазинов, предприял на Вислу идти, паче же и с имоверностию думать надобно, что он иногда удовольствуется только на здешние места в тыл за армиею вашего величества следовать и тем всякий с Вислы подвоз пресекать, а чрез то самое не токмо в Силезии не допускать, но паче и назад поворотить; однако же все то при моем отсюда с армиею выступлении неминуемо наилучше объясниться имеет. Но между тем, полагая случай, ежели б по вышепомянутому неприятельскому в тыл за нами следованию армии вашего величества назад обращаться надлежало, то, не имея еще заготовляемых в Калише магазинов, а того меньше наличных денег, неминуемо произошли б для

армии вашего величества крайние неудобства, столь наипаче, что на кредит здесь в земле ничего получить надежды не остается. А буде б, напротив того, неприятель по прошлогоднему примеру в параллель с нами к Силезии пошел, то я сего желаемого случая отнюдь не пропущу всячески искать его атаковать и разбить, столь наипаче, что нынешним обращением короля прусского в Саксонии много к тому и способствовать может, ибо с разных сторон здесь до меня известия дошли, что он опять к Дрездену поворотился, следовательно, тем, буде сия правда, вместо соединения с принцем Генрихом между двух огней себя заводит".

Этому донесению сильно обрадовались в Царском Селе, и 22 июля отправлен был Солтыкову рескрипт: "Мы с крайним удовольствием и благоволением усмотрели, что мнения ваши в рассуждении короля и принца Генриха с нашими согласно встречаются; что по мере приближения вашего к неприятельским землям и к неприятелю обновляется и возрастает надежда ваша и упование победить неприятеля, умножить лавры ваши новыми и оружие наше увенчать новою славою. Не меньше того приятно нам видеть, что армия наша как людьми, так и лошадьми находится в таком хорошем состоянии, в каком едва ли когда бывала. Мы в том справедливо признаем вначале благословение Господне и должное за то благодарение воздаем, а потом ваши труды и смотрение. Напротив того, весьма прискорбно нам видеть, что недостаток в деньгах не только не пресекается еще ожидаемым нами подвозом разных отсюда отправленных сумм, но и худые следствия иметь начинает. О сих худых следствиях беспокойство наше невелико, потому что и усердие наших верных подданных нам известно, и можем надежно полагаться на благоразумие ваше и прочего генералитета; но соболезнование наше и о том одном уже чрезвычайно велико, что солдатство и офицеры нужду некоторое время претерпевают. Сего ради пишем мы с сим курьером к кенигсбергскому губернатору генералу поручику Корфу, чтоб он все силы приложил, находящиеся еще в пути суммы как наискорее к вам доставить; ускоряем мы теперь новыми оных отсюда к вам отправлениями и уполномочиваем вас негоцировать оные у банкиров Риокура или Цимана или где к тому способ найдете, позволяя вам и на такие кондиции в случае нужды поступить, кои и не весьма для нашей казны выгодны быть могли б, только не далее 300000 рублей, а по крайней мере полумиллиона, ибо благосостояние и безнуждное продовольствование нашей армии предпочитаем мы всему другому".

В том же тоне был отправлен рескрипт и 26 июля: "Мы из реляций ваших с великим удовольствием усмотрели, что армия наша от Познани в дальнейший поход выступать начала, а поход учрежден так хорошо, благоразумно и с военным искусством сходно, что может быть и ускорен, и в фураже опасаться недостатка нельзя, и соединение на случай неприятельского приближения произойдет скоро. Великую также радость доставляет нам намерение ваше атаковать принца Генриха, если б он захотел препятствовать вашему движению". Армия действительно 15 июля

выступила из Познани к Бреславлю для соединения с австрийским корпусом Лаудона.

Но в августе дела переменились. Солтыков дал знать о своем отступлении, потому что Фридрих II быстро возвратился в Силезию и успел соединиться или по крайней мере восстановить беспрепятственное сообщение с принцем Генрихом и чрез это воспрепятствовать соединению Лаудона с русским войском; фельдмаршал складывал всю вину на австрийского главнокомандующего графа Дауна, который пропустил Фридриха II на эту сторону Одера, вследствие чего он, Солтыков, не надеясь получить никакой помощи от австрийцев, не хочет подвергать свою армию явной опасности. Наконец, Солтыков извещал о своей болезни. Ответный рескрипт на эти донесения, отправленный 22 августа, обнаруживал сильное раздражение: "Все это ведет только к неприятным и бесполезным изъяснениям с венским двором; дело мало этим поправляется, а тратится только драгоценное время. Что и вы начали так рановременно отступать, и все ваши намерения отменились, и это приятно нам быть не может, а еще меньше, что вы, испрашивая новых указов о дальнейших действиях, не только не представили при том с своей стороны никакого рассуждения, но старались единственно только о том, чтоб находить и показывать везде трудности и препятствия. Мы хорошо понимаем, что ваше положение трудно; но согласитесь, что почти на все могущие быть случаи вы имеете уже достаточные наставления. Одним словом, во все время нынешней войны мы еще не были в таких затруднительных обстоятельствах. Несносно уже и то одно, что кампания, так благополучно начатая и обещавшая несомненно желаемый конец войне, становится бесплодною; а тут еще присоединяются другие рассуждения. С венским двором решительно согласились мы насчет ожидаемых от этой войны выгод, и он признал нас прямо воюющею против короля прусского державою. Перестав быть помощниками и избавясь от тягостных и бесполезных нам обязательств, естественно, мы должны были усилить действия нашего оружия для славы нашей и для достижения наших намерений. Надобно еще склонять Францию и другие державы; но при худых успехах французского оружия если не показать версальскому двору и всему свету, что по меньшей мере с нашей стороны чистосердечно все то делано, что было возможно, то всякое предложение о наших выгодах будет не только несвоевременно, но может произвести при французском дворе дурное действие и, умножа отвращение от неудачной войны, понудить к вредному для всего союза миру, так что мы и до сих пор удерживались, дожидаясь, не подадите ли вы каким-нибудь счастливым событием полезного подкрепления нашей неготиации. Датский двор уже грозит соединиться с Англиею и королем прусским, а худой успех нынешней кампании может, еще больше побудить его к соединению с нашими врагами. Для не ведающей всех подробностей публики может показаться, будто наша армия предпринимала поход в Силезию только с тем намерением, чтоб воспользоваться выгодами, которые приготовят австрийцы, а самой ничего не делать, и, как только король прусский получил сообщение с принцем

Генрихом, хотя и не соединился, тотчас в нашей армии принято решение отступить к Польще. У нас нет намерения уменьшать проступки австрийского генералитета; а что касается графа Дауна, то мы приказали принести на него почти формальную жалобу. Но отнюдь не довольно того, что происходящие от дурного хода дел нарекания можно свалить на одного графа Дауна; этим дело еще не поправляется, а надобно стараться о действительном его поправлении. Мы уверены, что если до получения этого нашего указа дела в Силезии получат хороший вид, то, конечно, вы и по прежним нашим указам сами собою не оставили этим воспользоваться, особенно же приложили крайнее старание сделать кампанию решительною. Если по получении этого указа дела поправятся и вы усмотрите, что без дальней опасности вы можете их еще улучшить и сделать решительнейшими, то, конечно, надобно вам употребить для этого все усилия. Если же дела между австрийцами и королем прусским останутся в нерешительном положении и если между тем Кольберг будет в наших руках, то вам надобно помышлять о занятии зимних квартир в Померании. Что касается похода туда из Силезии, то это оставляем на ваше распоряжение. Если бы ни король, ни принц Генрих за вами не пошел, оба были бы задержаны австрийскими войсками, в таком случае надлежало бы вам отправить небольшой корпус в подкрепление к осаждающим Кольберг, а самим исподволь туда идти; а всего лучше было бы графа Тотлебена с легкими войсками отправить другою дорогою на Берлин и велеть, чтоб он возвратился к вам в Померанию через Швет. Но если дела не поправятся и армия наша будет находиться в опасности, то не останется ничего более, как заботиться о ее сохранении".

Солтыков продолжал доносить, что болен. 30 августа ему послан был рескрипт: "Содержание ваших реляций нам очень прискорбно. От болезни вашей армия естественно приводится в некоторое бездействие, по меньшей мере решения не могут быть так быстро исполняемы, как надобно. И это делается в такое время, когда должно ожидать решения кампании, когда против нашей армии никакого неприятеля нет, когда ничего не препятствует принимать меры по благоусмотрению, когда малейшие движения нашего войска могли бы много значить, неприятеля в великую заботу приводить, а австрийской армии сильную помощь доставлять. Из перехваченного собственноручного письма короля прусского да и по числу являющихся к вам дезертиров вам открыто, что неприятель находится в крайне дурных обстоятельствах и, однако, из отчаяния замышляет что-то очень важное, именно напасть со всеми силами на графа Дауна. Вы, однако, зная все это подлинно, не только не делаете ничего для отвращения или уменьшения опасности, но даже не уведомили о ней графа Дауна, тогда как мы знаем, что это важное письмо короля прусского безо всякой нужды многим в нашей армии известно. Теперь в точности сбылось то, о чем мы вам твердили, а именно что король прусский не будет уже искать случая напасть на вас так нахально, как прежде, но будет избегать всякого к тому случая, что для него гораздо важнее устремляться всеми силами против австрийского войска; однако мы не видим, чтоб прежние ваши

убеждения совершенно исчезли. Мы слышим стороною, что воинская дисциплина в нашей армии крайне ослабела, будто многие, будучи совершенно здоровы, нарочно сказываются больными. Вы имеете под собою таких генералов, что благодаря их усердию и в случае самого вашего отсутствия исполнение наших намерений не может остановиться или замедлиться. Поэтому повелеваем всем генералам именем нашим объявить, что если что-либо будет упущено, то болезнь ваша не послужит им в оправдание, а, напротив, будет для них обвинением. Для вашей болезни им и всей армии ослабевать не надобно. Преодолейте ваше состояние, отважьтесь исполнить нашу волю и заставить других строго исполнять ее. Мы вам давно уже предписывали, что на хорошее намерение будем больше смотреть, чем на самую удачу, и что заслуги подчиненного вам генералитета будут умножать ваше достоинство пред нами. Уполномочиваем вас, что если случится предпринять что-нибудь важное и полезное, то вы можете употребить того, кто способнее и усерднее, несмотря на старшинство. Вы должны соединить с генералом Лаудоном 25 или хотя 20000 нашего войска для прикрытия осады Глогау, которую крепость вы должны осадить с остальною нашею армиею. Теперь не сбылось ни одно из ваших опасений, король прусский на вас не пошел; так уверьте себя хоть теперь, что нет для нашей армии никакой такой опасности, какую вы себе воображаете". Указание на ослабление дисциплины в войске, встречающееся в этом рескрипте, объясняется докладом конференции императрице: "Ваше императ. величество из последней реляции генерал-фельдмаршала графа Солтыкова усмотреть изволили, что он, получая от одной болезни свободу, не только, однако ж, в крайней слабости и час от часу хуже себя находит, но едва ль не другую еще внутреннюю болезнь чувствовать начинает. К сему неприятному обстоятельству присовокупляется другое еще неприятнейшее, а именно генерал-поручик граф Чернышев к канцлеру пишет, что анархическое правление в армии продолжается, что фельдмаршал в такой гипохондрии, что часто плачет, в дела не вступает и нескрывтно говорит, что намерен просить увольнения от команды, что послабление в армии возрастает и к поправлению почти надежды нет". Конференция тут же представила об отправлении главнокомандующим в армию фельдмаршала графа Александра Борисовича Бутурлина.

От 31 августа Солтыков уведомил, что болезнь его продолжается и что он принужден сдать команду графу Фермору, причем просил позволения отъехать в Познань. Рескриптом от 18 сентября ему дано было это позволение и тут же сообщалось, что главным командиром над армиею назначен фельдмаршал граф Бутурлин. К Фермору тогда же был отправлен рескрипт, в котором говорилось: "Хотя бы вы на один день были главным командиром, то вам надобно так думать, как будто вы всегда команду имели, и потому ничего не откладывать. Прусский генерал Гольц из слабого своего и без того корпуса отправил еще генерал-майора Вернера к Франкфурту. Зная о кольбергской экспедиции, вам нетрудно было догадаться, что это отправление сделано для спасения этой досадной нам

крепостцы: но к крайнему сожалению нашему, не только не сделано этому препятствие и не взято в рассуждение, что слабый гольцов корпус оттого стал еще слабее, но даже не послана легкая партия остеречь наш корпус, находящийся под Кольбергом, так что теперь наилучшие меры разрушены и возобновится оружию нашему бесславию, происшедшее в 1758 году от неудавшейся осады этого гнезда. Так как еще есть время поправить испорченное, то желаем, чтоб генерал Гольц потерпел чувствительное поражение или по крайней мере чтоб генерал Вернер не возвратился из Померании хвастать своим счастьем, но был наказан за свое покушение".

В наказе новому главнокомандующему говорилось: "Порядок и строгая дисциплина есть душа и главная сила армии; но вам известно, что частью от продолжительной болезни графа Солтыкова, частью же от других обстоятельств много произошло здесь упущения и послабления, так что армия наша не получает никакого пропитания от плодородной земли, которая совершенно разорена и жители разогнаны. Кроме того, мы с крайним огорчением слышим, будто армейские обозы умножены невероятным числом лошадей. Лошади эти, правда, взяты в неприятельской земле; но кроме того что у невинных жителей не следовало отнимать лошадей, лошади эти взяты не на армию, не для нашей службы, не для того, чтоб облегчать войско и возить за ним все нужное: оне возят только вещи частных людей в тягость армии, к затруднению ее движений, к лишнему расходу в людях, к их изнурению и, наконец, своим множеством оголаживают ее. Повелеваем, сократив собственный ваш обоз, сколько можно, тотчас всех лошадей в армии переписать, у кого сколько, и, оставя каждому, сколько решительно необходимо, всех остальных взять на нас; из них хорошими лошадьми снабдить казенные повозки и артиллерию, а слабых отослать на кормы в Пруссию, дабы хотя та польза была, чтоб для будущей кампании отсюда лошадей не гонять или в Польше на покупку их великих денег не тратить. Что касается военных действий, то теперь ничего предписывать нельзя, потому что и время коротко, и вы сами на месте все лучше видеть и учреждать можете. Если б король прусский решительно побит был австрийцами, то мы очень желали бы, чтоб зимние квартиры наши заняты были близ реки Одера; почти равно были бы мы довольны, если бы это было сделано в Померании, и иначе, по нужде, надобно возвратиться на реку Вислу, ибо в Польше зимовать крайне убыточно, а на реке Висле магазины уже устроены".

Между тем на военном совете, который держал Фермор, было решено двинуться в Бранденбург и привести в исполнение указ императрицы о занятии легкими войсками Берлина. 12 сентября армия находилась при Королате, по сю сторону Одера, а корпус графа Чернышева и генерал-майор Тотлебен с частью легких войск по ту сторону Одера, при Бейтене. 15 числа армия переправилась за Одер. Тотлебен с легкими войсками шел впереди, за ним в недалеком расстоянии Чернышев. 22 числа главная армия была в Губене; того же самого числа в 10 часов утра Тотлебен явился под Берлином с гусарами и козаками и занял все три дороги от Котбуса,

Кепеника и Бранденбургских ворот. Из последних выехали прусские гусары, но почти все были перебиты или взяты в плен. Устроив между Котбусскими и Бранденбургскими воротами батарею, Тотлебен послал требовать сдачи города и, получив отказ, велел с означенной батареи стрелять по королевскому замку и литейному двору; хотя эта стрельба и производила в городе пожары, но они немедленно были потушаемы жителями, и к ночи русские перенесли свои батареи и поставили у Бранденбургских ворот. Дезертиры говорили, будто в городе только три батальона пехоты и небольшое число конницы, да и то все набрано из русских, саксонских и французских военнопленных, которые готовы сейчас же положить оружие. На основании этих известий Тотлебен решился ночью взять силою Бранденбургские и Котбусские ворота. В 10 часов ночи началось опять бомбардирование, в самую полночь гренадеры пошли на штурм ворот, но были отбиты, а в три часа пополудни прекратилось и бомбардирование за недостатком зарядов.

После этого к Берлину, подошел на помощь принц Фридрих Виртембергский и генерал Гильзен (Hülßen), а к Тотлебену - русские генералы Чернышев и Панин и австрийский граф Леси. Начались ежечасные сшибки, а 29 сентября Чернышев назначил на рассвете напасть вдруг на весь неприятельский корпус, тогда как Тотлебен должен был сделать приступ к городу. Но Гильзен не дождался нападения и ночью с 28 на 29 число, пользуясь темнотою, вошел в близлежащий лес и скрылся. Узнавши об этом на рассвете, Чернышев отправил немедленно требовать сдачи города, но его посланный встретился на дороге с офицером, посланным от Тотлебена объявить, что город сдается и он, Тотлебен, занимается составлением условий сдачи. Условия состояли в том, что все военные, находившиеся в Берлине, получили свободный выход со всем имуществом; королевский замок и другие публичные здания остались нетронутыми. Берлин должен был заплатить полтора миллиона талеров контрибуции и 200000 талеров на войско. Два дня (29 и 30 числа) победители занимались сбором контрибуции, забраньем королевской казны и очисткою arsenалов и магазинов; чего забрать было нельзя, то все было истреблено; все пороховые мельницы около Берлина, литейные пушечные дворы, потсдамские и близ Шпандау находившиеся ружейные и шпажные заводы были разорены до основания.

Когда известие о занятии Берлина было получено в Петербурге, то 11 октября приехали к канцлеру все иностранные министры, кроме английского, с поздравлениями; они распространялись о том, как славно это событие для царствования Елисаветы, для ее министерства и армии, причем особенно послы австрийский и французский и саксонский советник посольства Прассе предлагали, как необходимо для чести русского оружия и общей пользы, чтоб Берлин был удержан; они говорили, что сверх находящихся уже в городе укреплений можно в скором времени укрепить его еще больше и привести в такое состояние, что будет совершенно безопасно в нем остаться; что, вероятно, там найдены достаточные

магазины провианта и фуража, притом окрестности Берлина никакими войсками до сих пор не были посещены, и потому можно надеяться, что в фураже и хлебе недостатка не будет; что русская армия, владея Берлином, может занять зимние квартиры в Бранденбургии и Новой Мархии, имея для помощи себе всю Саксонию, из которой неприятель совсем уже изгнан, а если б, паче чаяния, нельзя было всей армии там остаться, то хотя бы отпущен был русский корпус от 20 до 25000 человек для соединения с австрийскою армиею на содержание императрицы-королевы: что король прусский, сколько до сих пор видно, больше всего думает о сохранении Силезии: а если б покусился предпринять что-нибудь против находящихся в Берлине и Бранденбурге русских войск, то в этом предприятии может найти только свою погибель, ибо, кроме того что все русские корпуса стоят один от другого в близости и могут подать друг другу помощь, корпус графа Леси, соединившийся с русским войском, может подать немалую помощь; притом граф Даун не оставит следовать по пятам за королем. Итак, если эти представления о сохранении Берлина и перезимовке в Бранденбурге и Новой Мархии или об отпуске в Саксонию от 20 до 25000 человек императрица соизволит принять, то прусский король со всех сторон может быть так стеснен, что должно ожидать совершенного окончания войны. Но эти внушения опоздали; Берлин был занят с финансовою целию: контрибуциею с него облегчить тяжесть военных расходов, и потому, как только добыча была захвачена, с 30 сентября на 1 октября Чернышев и Тотлебен оставили Берлин. Одновременно с известиями о занятии Берлина обнародовано было известие о вторичной неудаче русского войска под Кольбергом: не было утаено, что при вести о приближении генерала Вернера на помощь городу русские офицеры и солдаты бросились спасаться на суда, вследствие чего часть артиллерии была оставлена в добычу неприятелю.

Новый главнокомандующий Бутурлин приехал к армии уже после занятия и оставления Берлина и после вторичной неудачи под Кольбергом. В конце октября Бутурлин донес из Арнсвальда, что с главною армиею он выступает к реке Висле, а в Померании оставляет корпус графа Чернышева (9 полков пехотных и 4 драгунских), который занимает местность от Ригенвальда до Румельсбурга, а легкие войска - от Кеслина до Рацебурга. Причиною тому он выставлял, что когда велено было переписать весь находившийся в Померании хлеб и фураж, то нашлось, что без совершенного опустошения этой области запаса для всей армии не станет и на полмесяца, что в Польше цена на хлеб не чрезмерно высока, но бывшими до сих пор в армию подвозами лошади так изнурены и так их мало, что если теперь не дать им отдохнуть, то на будущее лето нельзя ожидать не только подвоза потребных вещей, но и самой пашни; что магазины наши на реке Висле наполнены достаточно, но так как из них подвозить иначе нельзя, разве на полковых и артиллерийских лошадях, то, кроме того что этот подвоз не был бы достаточен на пропитание всей армии, для нее была бы совершенная невозможность выйти в поле будущею весною. В рескрипте в Иностранную коллегия, назначенном для

сообщения иностранным министрам, императрица говорила: "При таком состоянии дел и по великому отсюда до армии расстоянию всякое противное этому распоряжению повеление было бы поздно и неудобно к исполнению. Поэтому мы и утвердили это распоряжение, предписав: 1) чтоб старались всеми мерами корпус графа Чернышева подвигать, хотя помалу, вперед, занимая место его другими полками. 2) Ввести в предместья Данцига столько войска, сколько там поместить можно. 3) Легкие войска так расположить, чтоб неприятель не только не мог ничего получить из Померании, но не был спокоен и в самой Бранденбургии. 4) Готовиться всеми силами к самому раннему начатию будущей кампании и, даже стоя на квартирах, быть во всегдашней исправности к походу.

Мы уверены, - говорилось далее в рескрипте, - что союзники наши, приняв все это в зрелое рассуждение, признают, что на этот раз мы ничего более и иначе сделать не можем. Как скоро нет возможности продовольствовать армию в Померании, то в Бранденбурге или Неймарке, хотя бы было неисчерпаемое изобилие всех плодов, еще меньше можно занять зимние квартиры. Пускай гарнизоны находящихся вблизи знатных крепостей не могут много беспокоить армию, но они крайне затруднят доставку к ней мундирных и амуничных вещей, особенно же лошадей. Пускай король прусский занят теперь в Саксонии, но есть достаточный пример, что он и опять малым корпусом при Торгау может надолго удержать за собою Саксонию и реку Эльбу, а тем временем дважды сходить к реке Одере. Пускай не опасаемся мы его приближения и даже сильно желали бы, чтоб дело дошло с ним до решительного сражения; но когда совершенно непонятным для нас образом так везде открыты ему дороги, так везде готово для него пропитание, что он не только мог поспешно войти в истощенную совершенно Саксонию, но еще, прошедши между армиею графа Дауна и имперскою, не усумнился сам себя отрезывать от всех своих областей и заключаться между горами и двумя неприятельскими армиями в такой земле, где никакого для него запаса быть не могло, то нельзя не получить убеждения, что король прусский, будучи в своей земле, найдет все способы, не подавая случая к сражению, так беспокоить нашу армию, что она всегда принуждена была бы стоять в поле и под ружьем.

Самое состояние дел теперь ни так хорошо, чтоб им тотчас можно было пользоваться, ни так худо, чтоб надобно было отчаиваться. Так как вся выгода короля прусского в том состоит, что он действует наступательно и потому все силы свои почти всегда имеет вместе, а граф Даун, действуя оборонительно, принужден силы свои разделять, то, кажется, дело теперь только в том и состоит, чтоб перейти к наступательному движению, а короля прусского заставить действовать оборонительно, а это может быть всего скорее достигнуто следующим образом: нашей армии начать кампанию взятием Кольберга, если ранее этого сделать нельзя будет. Потом мы приложим старание перейти реку Одер, очистить путь шведской армии и двинуться на Берлин, а в то же время попробовать, нельзя ли схватить и Кистрин. Пускай последнее не удастся, по меньшей мере можно

быть уверену, что король прусский, оставя все, поспешит туда и решится на главное сражение, которого он после Франкфуртского приметно избегает и к которому иначе принудить его почти нельзя. Каков бы ни был исход этого сражения, оно должно, однако, во всяком случае уменьшить силы короля прусского и доставить австрийским армиям столько времени, что довольно будет и для очищения Саксонии, и для важных завоеваний в Силезии. Коллегия Иностранных дел должна о всем том дать знать послу графу Эстергази для представления двору его.

Что касается короля польского, то теперь надобно только сообщить ему, каким образом располагается наша армия, и обнадежить, что будущую весною наша армия предпримет все то, что может содействовать избавлению Саксонии и восстановлению желанного честного и прочного мира. Но чтоб не оставить его при одном этом обещании и отвратить, сколько от нас зависит, исполнение прусских угроз, то повелеваем английскому находящемуся здесь министру прочесть записку (а если захочет, то и отдать ему ее), что хотя мы, естественно, удалены следовать дурным примерам и уже предали было забвению все суровости, оказанные королем прусским в Саксонии, Мекленбурге и других местах, но так как король прусский, вошедши теперь опять в Саксонию, тотчас объявил угрозы, что за сделанный ему в Берлине убыток должна заплатить Саксония и будет принуждена к тому огнем и мечом, то мы принуждены объявить, что с этих пор не будем равнодушно смотреть ни на какое новое нарушение военных прав и разорение невинных земель и хотя мы далеки были следовать дурным примерам мщения и бесчеловечия, однако если они не пресекутся, то, видя, что наша умеренность и сожаление о страждущих от войны областях приносит только противные плоды, велим во всех неприятельских землях, куда только достигнет наше оружие, последовать примерам короля прусского и, если можно, превзойти их. Не согласно с нашим достоинством оправдывать наше поведение, человеколюбивое среди самой свирепой войны; однако нельзя не упомянуть вкратце: Саксония прежде начала всякой войны захвачена вероломнейшим образом и была разоряема не как приобретенная оружием, но как жертва свирепого мщения; Пруссия, напротив того, по праву оружия нами занятая, получила подтверждение всех своих прав и узаконений и теперь ненарушимо ими пользуется и обогащается от пребывания наших войск и наличной за все платы. Из Саксонии взято насильно великое число рекрут и множество других жителей вывезено в бранденбургские земли; из Пруссии, напротив, не взят ни один человек, и жителям этого королевства из казны нашей раздаются деньги в вознаграждение за урон, претерпленный от скотского падежа, чтоб они могли продолжать хлебопашество. Король прусский бесчеловечными побоями и голодом принуждает всех пленников вступать к нему в службу; мы, напротив, освобождаем этих невольников и возвращаем законным их государям. Ожесточившее короля прусского взятие Берлина может показывать только наше милосердие и великодушие. Сделанным укреплением и обороною там, где, однако, наконец, сопротивляться нельзя было, этот город заслуживал наказания, однако

пощажены, ни в один дом солдаты не поставлены на квартиры; Лейпциг никогда не сопротивлялся, однако такой пощады не получил. Разорены в Берлине арсеналы, оружейный и пушечный заводы, но для этого и предпринята была экспедиция. Взята контрибуция; но этим как бы исполнено было общепринятое обыкновение, а иначе об этой контрибуции и упоминать нечего, после того что с Саксонии и с одного Лейпцига содрано".

Только что было объявлено союзникам, что Чернышева корпус остается в Померании, как Бутурлин прислал донесение, что этого сделать нельзя, ибо отовсюду присылаются известия, что нигде ничего нет. Ему отвечали из Петербурга от 4 декабря, что делать нечего, но по крайней мере корпус Тотлебена, состоящий из легких войск и двух пехотных полков, должен остаться в Померании и распространяться в этой области как можно далее. Кроме того, Бутурлин не должен был скрывать, что кампания начнется осадой и взятием Кольберга; должны быть заняты приморские места: Лебе, Ригенвальд и Столпеминде, гавани их должно прочищать, употребляя для легкой работы солдат, а для трудной - жителей. Адмиралтейской коллегии было подтверждено, чтоб весь флот был в полной готовности к первому вскрытию воды, а Военной коллегии велено приготовить все находящиеся в Петербурге и Ревеле полевые полки к посадению на суда, равно как и гвардейскую бомбардирскую роту. Этим надеялись немедленно же разделить внимание Фридриха II и весною разделить и силы его, чтоб не искать далеко и бесплодно неприятеля, не изнурять войско походами, а привлечь его в Померанию и заставить драться.

Но Тотлебен, которого хотели оставить в Померании, просился уволить его от службы, рассерженный высочайшим выговором. Выговор был сделан на то, что Тотлебен выдал на немецком языке известие о занятии Берлина, причем прославил одного себя и дурно отнесся о других. Бутурлин переслал экземпляр этого известия в Петербург и отсюда получил рескрипт, что Тотлебенова реляция "сочинена крайне продерзостно, ибо он свою заслугу увеличивает на иждивении почти всей армии, особливо же явно поносит генерал-поручика графа Чернышева с его корпусом и австрийского генерала графа Лессия с его корпусом ругает таким образом, как бы ненависть между двух союзных войск и холодность между самими дворами произвести искал, действие же нашей артиллерии хотя и хвалит и преимущество ей пред неприятельскою дает, но тем не меньше порочит ее состояние, объявляя, что портится она сама при сильном действии; большая же продерзость еще в том состоит, что, не подав главнокомандующему столь обстоятельного рапорта, ниже доставя его сюда, столь противно всем воинским правилам осмелился обнародовать. Но понеже и то подлинно, что мы и заслуги памятовать, и прегрешения милосердием нашим прикрывать обыкли, то заблагорассудили мы, объявляя ему наш праведный гнев и неудовольствие, повелеть, чтоб он тотчас старался проступок свой загладить и паки нашу милость заслужить точным всего того исполнением, что ему от вас приказано и впредь поручаемо

будет, разумея, буде он прежде не отрекся или не отречется от сего сочинения, ибо в таком случае сие дело молчанию предано быть имеет. Вам же вследствие того повелеваем приказать ему: 1) чтоб он у графа Чернышева просил прощения в вашем только присутствии или при двух только свидетелях, а по нужде хотя письменно; 2) чтоб все экземпляры, сколько их есть, конечно, собрал и вам представил; 3) чтоб формально и письменно на немецком языке отрекся от сего сочинения, присовокупляя к тому, что оно происходит, конечно, от его неприятеля и таких людей, которые хотят сделать подозрительным его усердие к нашей службе и произвести холодность между двумя высокими союзными дворами; 4) сие отрицание имеет быть напечатано в кенигсбергских газетах. Генерал-поручик граф Чернышев не будет уповательно доволен сею сатисфакциею; но вы ему объявить имеете, что прощением в показанной ему графом Тотлебенем обиде покажет он нам новый опыт своего беспредельного к службе усердия и что это вменится ему от нас в заслугу".

Но когда вследствие этого рескрипта Тотлебен подал в отставку, то к нему был отправлен другой рескрипт: "Мы с сожалением усмотрели из доношений графа Бутурлина, что слабое состояние вашего здоровья и некоторые другие обстоятельства принуждают вас просить увольнения из нашей службы. Мы не обыкли кого-либо насильно удерживать; но как война приходит теперь почти к окончанию, и мы в продолжении службы вашей более, нежели когда-либо, имеем надобность, а притом увольнение ваше ныне воспоследовало бы при таких обстоятельствах, кои подвержены различным истолкованиям, то в уважение чести и знатности вашей службы, в милостивом напоминании всех ваших донныне показанных ревностных заслуг и всегда различая оные от временных случаев, не можем мы теперь согласиться на дозволение просимого абшита (отставки); паче же столько уверены пребываем о похвальном вашем желании прямой и существительной славы и о вашем к нам усердии, что повелели не токмо все легкие войска и назначенные им в подкрепление два пехотные полка таким образом в команду вашу отдать, чтоб вы зависели только от генерал-фельдмаршала графа Бутурлина, но и еще сей ваш корпус столько умножить, сколько потребно будет для тех намерений, о которых от него вам пространнее объявлено будет".

Тотлебен остался на службе и в письме к канцлеру графу Воронцову, "своему отцу и благодетелю", клялся употребить остальные дни жизни для того, чтоб показать себя достойным доверия и милости августейшей монархини.

Думали, что война подходит к концу, думали, что кампания следующего года будет последнею, и потому спешили уговориться насчет мирных условий. Русский двор предложил австрийскому заключить новую конвенцию и "оною постановить те меры и способы, кои к прекращению нынешней тягостной войны наилучше служить и справедливое за понесенные для оной убытки награждение на иждивении неприятеля и

возмутителя общего покоя доставить могут. А к требованию и получению сего награждения ее импер. величество всероссийская и ее вел. императрица-королева имеют толь большее право, что, во-первых, похищенные королем прусским области назад отобрать, а притом надлежит положить и достаточные пределы силе такого государя, которого неправедные замыслы никаких пределов не знают". В конвенции постановлялось, что обе державы во все продолжение войны будут иметь в поле не менее 80000 регулярного войска каждая и продолжать войну соединенными силами до тех пор, пока заключенным с общего согласия мирным трактатом будет утверждена безопасность их областей и достигнуты праведные обеих сторон намерения; обе державы не должны полагать оружия до тех пор, пока императрица-королева не вступит в спокойное владение всею Силезиею и графством Глацким и пока императрица всероссийская не получит во владение королевства Прусского (Восточной Пруссии), ныне ее оружием действительно уже завоеванного. Так как европейский покой никогда твердо установиться не может, пока у прусского короля означенным образом не отнимутся средства смущать его, то их импер. величества употребят все старания оказать эту услугу человеческому роду и для того должны призывать к этой конвенции все державы, особенно же французского короля. Король польский, курфюрст саксонский, не только должен быть восстановлен в своих наследственных владениях, но и получить удовлетворение за обиды и убытки. Французский язык, на котором написана конвенция, не должен служить примером для будущего. Императрица-королева продолжает платить императрице всероссийской по миллиону рублей субсидий в год. На предложение этой конвенции Эстергази отвечал, что теперь дело идет не о заключении каких-нибудь новых конвенций, а о стеснении короля прусского сильными и решительными военными действиями, которые и могут привести его двор в состояние исполнить принятые уже на себя обязательства, состоящие в том, чтоб русский интерес почитать за собственный, перенимая на себя все, что будет возможно императрице-королеве, равно как и удовлетворение русского двора за понесенные убытки. В этом он, Эстергази, обнадежил словом императрицы-королевы и теперь то же самое подтверждает, следовательно, русскому двору нельзя сомневаться в исполнении этих твердых обещаний. Эстергази внушал, что теперь всего важнее удержать Францию от отдельного мира, почему нужно поступать с осторожностью относительно старых и еще продолжающихся предубеждений. Успеть в этом легко, если оба императорские двора будут приводить в действие свои намерения постепенно и своевременно. Как видно, Франция не очень сочувствует тому, чтоб Россия приобрела Пруссию (Восточную), поэтому была бы вредна всякая такая конвенция, в которой бы упоминалось о присоединении Пруссии к России. Дело не в самом деле, а в способе его делания. Вместо конвенции он, Эстергази, имеет от своего двора наставление дать декларацию, что императрица-королева принимает на себя торжественнейшее обязательство употребить чистосердечно крайние

свои силы, чтоб российский двор получил такие выгоды, каких сам захочет.

Ему отвечали, что составлен новый проект конвенции, в котором она сделана гораздо удобнее к принятию, ибо к ней присоединена такая декларация, которая должна отнять не только у Франции, но и у других дворов всякое опасение насчет увеличения русской империи Пруссией. Этою декларациею предоставляется соглашаться о провинции Пруссии с Польскою республикою и принять такие меры, которые бы служили ко взаимному удовольствию обеих сторон. "Здесь, - говорилось далее в ответе, - очень понимают, что французский двор надобно щадить; но поставляемая конвенция не потревожит его ничем новым; особенно, по здешнему мнению, надлежало бы опасаться, что если теперь ничего не постановить или даваемую генеральную декларацию от французского двора скрыть, то этот двор или подумает, что он своим ответом отнял у здешней стороны всю охоту к получению Пруссии, или же станет подозревать, что нет к нему прямой доверенности. Наконец, императрица знает также очень хорошо, что все дело зависит от успеха оружия, ибо если всевышнему не угодно будет благословить его, то не только новая конвенция не доставит здешнему двору королевства Прусского, но и ее величество императрица-королева, невзирая на многие и старые трактаты, не получит Силезии и графства Глацкого, и эта временная конвенция будущим миром, каков бы он ни был, должна рушиться. Напротив того, если провидение определило к блаженству рода человеческого сократить гордую и опасную силу короля прусского и императрица-королева вступит во владение Силезиею и графством Глацким, то почти невозможно, чтоб одно желание обоих императорских дворов и простое согласие французского не были достаточны для доставления здешней империи Пруссии. Король прусский, теряя сохраненную им еще до сих пор Силезию, конечно, не продолжит войну за тем, чтоб сохранить оставленную им самим Пруссию. Надобно быть только согласными в этом и в нынешнюю кампанию так действовать, чтоб успех ее соответствовал ожиданию; поэтому-то так усердно и желается это дело однажды навсегда окончить, чтоб все внимание обратить на одни военные действия". 21 марта конвенция была подписана Эстергази.

За это он получил строгий выговор от Марии-Терезии. Конвенция была немедленно отправлена во Францию, потому что, по Версальскому договору, Австрия не могла заключать никаких договоров без ведома французского двора, и получен ответ, что Людовик XV никогда не может приступить к такой конвенции, ибо в ней говорится только о выгодах императорских дворов, о других же союзниках говорится или в общих выражениях, или вовсе ничего не говорится. "В договоре 1746 года, - писала Мария-Терезия Эстергази, - именно было постановлено, что в случае разрыва мира с прусской стороны Силезия и графство Глацкое отбираются назад Австриею, а России завоеваний никаких не делать, довольствоваться двумя миллионами гульденов; теперь это торжественное

постановление уничтожается и делается новое постановление, по которому Россия получает такие же выгоды, как и мы, хотя Пруссия разорвала мир только с нами да с Саксонию. Силезия - старая наша наследная земля, а Пруссия в русском владении никогда не бывала, и мы относительно возвращения Силезии получили согласие от всех союзников и подвергались до сих пор большим опасностям и убыткам. Несмотря на все это, мы уже давно российской императрицу обнадежили, что вполне соглашаемся на вознаграждение ее убытков и об ее интересе усердствуем столько же, сколько о своем собственном. Что же касается вообще вопроса, надобно ли с нашей стороны королевство Прусское признать за завоеванное Россию и в том дать ручательство, то здесь относительно нас сомнения быть не может: только по великодушию и великой проницательности российской императрицы мы твердо можем надеяться, что ее величество отнюдь не соизволит поступить в противность нашему интересу, общему благополучию и собственному намерению, ибо от конвенции вместо ожидаемой пользы может последовать великий вред". Вред, по мнению императрицы-королевы, заключался в том, что Австрия и Россия могли быть оставлены всеми другими союзниками. Впрочем, чтоб не раздражить русский двор, в Вене придумали такую сделку: из конвенции исключили параграф, в котором говорилось о присоединении Пруссии к России, а вместо него составили отдельную секретную статью того же содержания, но с прибавкою, что обещание Австрии относительно присоединения Пруссии к России недействительно, если сверх ожидания Австрия не получит Силезии и графства Глацкого; секретная статья должна быть скрыта от Франции. Елисавета приняла эти изменения.

Россия хотела приобрести Восточную Пруссию для того, чтоб променять ее на Курляндию или другие, более подручные польские области; но венский двор и тут хотел сделать свое изменение. Его сильно беспокоило то, что Дания, не получивши до сих пор от России согласия относительно голштинского дела, возьмет английские субсидии и выставит в пользу Пруссии свое свежее войско в 20000 человек. Эстергази от 27 июля н. с. получил от Марии-Терезии рескрипт, где выражалась сильная тревога и желание прекратить голштинские распри "как всегдашний повод к новому и опаснейшему воспалению военного огня". Мария-Терезия требовала от Эстергази приложить ревностные старания, чтоб датские представления не были совершенно отвергнуты в Петербурге. Соглашение должно было состоять в том, чтоб великий князь Петр Федорович отказался от Голштинии и за это взял бы себе Пруссию, что успокоит совершенно Данию и не возбудит в других державах зависти к приращению русских сил.

Дания действительно сильно беспокоилась остановкою переговоров о Голштинии и намерениями России удержать за собою Восточную Пруссию. Французский посол маркиз Лопиталь сообщил канцлеру письмо датского министра барона Бернсторфа к французскому министру герцогу Шуазелю. В письме говорилось, что если России достанется Пруссия, а

наследник Российской империи не отречется от своих претензий и не оставит своей ненависти против короля датского, то последний найдется в самом опасном и бедственном положении. В Дании известно, что великий князь постоянно думает о ее разорении; так как вследствие этого датский король убежден, что рано или поздно ему должно будет воевать с Россиею, то, естественно, должна прийти ему мысль, что не лучше ли начать эту войну теперь, чем в такое время, когда у России никаких других неприятелей не будет. Во втором письме своем к герцогу Шуазелю Бернсторф давал знать, что Дания, не желая нарушить дружбы с Франциею, войдет в соглашение не с Англиею, а с королем прусским. Шуазель отвечал, что все равно, и соглашение с Пруссиею будет таким же нарушением дружеских отношений к Франции.

Знаменитый дипломат, представлявший в последнее время Россию во Франции, граф Михаил Петр. Бестужев-Рюмин умер 26 февраля. При нем для помощи находился в Париже князь Дмитрий Мих. Голицын, которому и поручено было ведение дел по смерти Бестужева, пока не приехал во Францию новый посол действительный камергер граф Петр Чернышев. Шуазель уверял Голицына, что он снова именем королевским сделал внушения датскому министерству, чтоб Дания молчала в Петербурге о своих требованиях относительно голштинского вопроса, а после найдется удобный случай кончить это дело любовно, что Франция вмешательством в такое дело никогда не согласится возбудить неудовольствие русской императрицы.

И в Петербурге также сменился французский посол. Лопиталья послали туда, потому что не было никого лучше. Людовик XV не имел к нему доверия, не вел с ним переписки тайком от министерства; Лопиталь не знал также, что король мимо министерства вел тайную переписку с императрицею Елисаветою. Тайной переписки с королем удостоен был секретарь посольства известный кавалер Эон. Король находил, что Лопиталь становится очень дорог в Петербурге, потом находил, что не умеет вести дела, очень доверчив к русскому канцлеру Воронцову. "Ему велят, - писал король, - уяснить какое-нибудь дело, а он прежде всего открывается Воронцову". Все затруднение состояло в отыскании ему преемника; наконец преемник был отыскан - барон де Бретейль, которого король счел способным к ведению тайной переписки, Эон получил от Людовика XV приказание сообщить новому послу сведения о характере императрицы, ее министров и всех других людей, употребляющихся для ведения иностранных сношений. Самому Бретейлю дан был наказ: "Особенно осведомиться насчет привязанности и видов великого князя и великой княгини и стараться о снискании их благосклонности и доверия. Маркиз Лопиталь пренебрегал молодым двором и особенно вооружил против себя великую княгиню участием своим в отозвании из Петербурга графа Понятовского. Если, что не подлежит сомнению, великая княгиня обратится к барону Бретейлю с жалобами на поведение его предместника, то барон должен воспользоваться этим случаем и ловко внушить, что ему

известны чувства короля относительно великого князя и великой княгини, и он может уверить, что его величество будет очень рад содействовать исполнению их желания и если бы им было приятно увидеть опять в Петербурге графа Понятовского, то его величество не только не будет этому противиться, но будет еще содействовать тому, чтобы король польский назначил его снова посланником в Россию". Французский двор действительно начал оказывать в Варшаве свое содействие к возвращению Понятовского в Петербург, но скоро должен был прекратить это содействие, испуганный сильным нежеланием императрицы видеть в третий раз Понятовского при своем дворе.

В Лондоне были недовольны русским ответом на мирные предложения. Герцог Ньюкестль говорил по этому случаю князю Александру Голицыну: "Здесь двор в угождение и из особенной внимательности к императрице сделал вашему двору предварительное сообщение о мире, рассуждая, что императрица немало отягощена продолжением войны, тратя на нее большие деньги безо всякой надежды получить достойное вознаграждение; наш двор надеялся поэтому, что ответ императрицы будет составлен в таком же миролюбивом смысле; но напротив того, в вашем ответе находятся такие выражения, которые не обещают со стороны императрицы никакой склонности к миру. Основные и естественные интересы требуют, чтоб Россия и Англия находились всегда в добром согласии; так можно было бы и теперь, не пренебрегая русскими интересами, помириться с королем прусским, и независимо от союзников". "Императрица, - отвечал Голицын, - принимая с благодарностью предварительное сообщение его британского величества, не могла дать другого ответа, потому что не может приступить к заключению мира иначе как с согласия всех своих союзников. Постоянное сохранение тесного союза между Англиею и Пруссиею должно служить примером и для других государств. Союз России с Австриею есть самый естественный и необходимый; напротив того, нынешний союз между Англиею и Пруссиею имеет очень слабое и ненадежное основание, ибо основан не на обоюдных пользах дворов, а на одних личных отношениях к королю прусскому; но Фридрих II смертен, следовательно, этот союз кончится с его жизнью. Честь, достоинство и безопасность России требуют, чтоб императрица не жалела издержек на эту справедливую войну, тем более что источники, необходимые для поддержания войны, скорее могут иссякнуть у противников ее величества, хотя бы императрица и не ожидала себе никакого вознаграждения; впрочем, в ее воле получить и вознаграждение, которого по справедливости никто возбранить не может". Тут Ньюкестль прервал Голицына и спросил: "Что вы разумеете под этими словами?" "Это ясно и без моего толкования", - отвечал Голицын.

После этого разговора другой министр, знаменитый Питт, начал выведывать у Голицына, не намерена ли императрица удержать свои завоевания в Пруссии. "Я, - говорил Питт, - всегда приписывал венскому двору властолюбие и стремление распространять свои владения, о вашем

же дворе я этого никогда не думал. Ваша государыня приняла участие в войне единственно из великодушия, чтоб защитить польского короля, не имея в виду какой-нибудь выгоды". Голицын отвечал, что намерения императрицы ему неизвестны; впрочем, все беспристрастные люди должны признать право ее величества на достаточное вознаграждение за такие великие военные убытки, утверждающие вольность и безопасность Германии. "Здесь, - писал Голицын, - не только публика, но и двор внутренно чувствуют справедливость и возможность, чтоб ваше величество удержали Восточную Пруссию в вечном владении; здесь этого и ожидают. Питт того же мнения и, твердя мне о взаимных естественных интересах России и Англии, дал мне выразуметь, что скоро может прийти время, когда настоящие союзники России, и особливо венский двор, будут завидовать благополучию и могуществу вашего величества больше, чем Англия".

Но когда в Петербурге Ив. Ив. Шувалов обратился к Кейту, чтоб выведать у него мнение английского двора относительно присоединения Восточной Пруссии к России, то Кейт отвечал, что в таком случае война не скоро кончится, ибо король прусский скорее погребет себя под развалинами последнего своего города, чем согласится на такие унижительные условия; что присоединение Восточной Пруссии к России возбудит всеобщую зависть и будет источником беспокойств в Европе, ибо при первом удобном случае будут стараться выхватить эту область из рук России. Шувалов отвечал, что не понимает, каким образом присоединение такой маленькой области может возбудить всеобщую зависть, и если уже так, то можно по крайней мере оставить Восточную Пруссию в закладе у России, пока не найдут другого средства удовлетворить последнюю. Кейт сказал на это, что ни то, ни другое невозможно, ибо все государства увидят ясно намерение России захватить в свои руки балтийскую торговлю и чрез это торговлю всего Севера.

Из Стокгольма Панин был отозван и сдал дела советнику посольства Стахиеву, который так описывал положение дел в Швеции перед сеймом: "Будучи сим (королевским приглашением чинов на сейм) теперь отворены двери к явному действию различных шведскую нацию разделяющих партий и фракций, предводители оных, несумненно, скоро распустят разнохатные (?) свои знамена и начнут публично работать о умножении числа своих партизанов. Тут главного примечания достойны движения обеих партий - дворовой и сенатской: первая, яко утесненная и бессильная, до сих пор ни малейшего вида не подает действования; вторая, яко господствующая и сильнейшая, следовательно, многочисленная, заражена различными расколами и терзается разными факциями, из которых две первостепенные состоят в неутолимом соперничестве двух сенаторов - первого министра барона Гепкина и гофмейстера королевских детей барона Шефера. Каждый из сих двух соперников особливо ищет приобрести себе доброжелательство дворовой партии, чем надеется возвысить каждый свою факцию, но по сей час ни один, ни другой

приметно в том еще не успели в рассуждении дворовой неподвижности и удаления от дел. Рассуждая по наружности о движении обеих факций, сенатор барон Гепкин ищет соединить по меньшей мере мечтание шведской независимости с преданностью чужестранным державам; напротив чего его суперник барон Шефер, никакого посредства не допуская, слепо повинуется Франции и боготворит все, что видит или слышит быть французского творения, почему и в земских экономических распоряжениях во всем французским последует; а как здешний дух вольности в таких делах не сносит утеснения и строгости, так и сей сенатор оказанием своего самоуправления и запальчивости столкнулся со многими, и особливо с мещанством, где он ни малейшей доверенности не имеет, чем сенатор Гепкин, напротив того, много пользуется, наипаче сего лета, будучи почти в ежедневном обхождении с мещанством, следовательно, больше надежды имеет на будущем сейме ласкать себя покровительством сего чина, ежели третья факция не схватит у него поверхность. Сия пылко поднимается теперь под предводительством полковника барона Пехлина, который на последнем сейме с знатною отличностью поднят и служил господствующей партии, чем надулся гордостью и, не довольствуясь данным тогда за труды его денежным награждением, взял себе в голову к будущему сейму доставить себе место управителя в господствующей партии, для чего и приезжал сюда в прошлом году; но Сенат, почитая его способным токмо к простому исполнению управительских повелений, обратно прогнал в Померанию к армии, чем он жестоко раздражился противу Сената и теперь собирает собственную факцию, которую можно назвать по древнему римскому примеру ценсорскою факциею, ибо она началом своих действий полагает - укротя на последнем сейме дворовые предприятия, на будущем подстричь крылья из пределов выходящей сенатской власти. Здесь увядающая сенатора графа Тессина седина много ласкательного для себя находит как для представления себя еще один раз на сеймском театре, так и для уничтожения оказанного на себя презрения с стороны своих учеников, составляющих большую часть Сената, с показанием им своего восчувствования, почему сей дряхлостью облекшийся старик под рукою дал свое благословение новому управителю и обещается в случае успеха к нему присовокупиться и показать шведскому народу, что он еще в состоянии находится принять от него благоуханную жертву и дары". На этой депеше Воронцов написал: "Надлежит Стахиеву предписать, чтоб он весьма себя скромно содержал и ни к которой партии не приставал, отнюдь не мешаясь в сеймовые и домашние шведские дела, держась несколько стороны сенатора Гепкина, который по всем оказательствам к нам благосклонен быть является". Но в рескрипте прибавили еще наставление красноречивому Стахиеву: "Рекомендуется вам о всех тамошних происхождениих и ведомостях, которые заслуживают здесь обстоятельного сведения, не вступая в излишнее описание пороков или природных страстей человеческих, доношения наши сюда присылать, но в оных писать явственно и без всяких метафорических и аллегорических экспрессий, которые не служат больше,

как к затмению содержания оных ваших доношений, и, следовательно, причиняют затруднения в снабдении вас потребными резолюциями".

Вместо Панина посланником в Стокгольм был назначен бригадир граф Иван Остерман. Но от 23 июня Стахиев доносил: "Один знатный и в делах обращающийся человек, мой надежный приятель, на сих днях мне в крайней конфиденции сказал, что получаемые здесь депеши из Парижа от шведского посланника наполнены завистливыми внушениями со стороны французского министерства к русскому двору; по словам шведского посланника, французский двор отнюдь не намерен позволить, чтоб Россия оставила за собою завоеванные ею у прусского короля земли". На это Воронцов заметил: "Чиненные внушения Стахиеву от неизвестного здесь приятеля имеют нарочитый вид искусно поссорить нас с французским двором". Далее в депеше Стахиева говорилось: "Австрийский посланник граф Гоес говорил одному из своих приятелей: "Невозможно, чтоб Франция на шведском сейме помогала России: интересы этих обоих дворов в Швеции постоянно сталкиваются; Франция дает Швеции значительные субсидии единственно для удаления ее от русского двора, чтоб в случае нужды выдвигать ее пугалом последнему"; Гоес прибавил, что он не может понять, для чего русский двор так пренебрегает шведскими делами и не старается сам непосредственно ими управлять, а спокойно позволяет Франции окончательно истребить всех русских приверженцев". На это Воронцов заметил: "Чтоб французский двор обратился в пользу здешних интересов в Швеции, о том никогда надеждою себя не ласкали, да и никакого поступка с нашей стороны в содействовании французов чинено не было, и мы в том, конечно, обмануты не будем. Впрочем, никакого пренебрежения по шведским делам с нашей стороны не сделано, но, напротив того, старание прилагали сохранить взаимную дружбу, разве сим пренебрежением разумеется то, что с некоторого времени перестали отсюда для расточения на сеймах пересылать многие тысячи рублей, и ежели б ныне излишние в государстве были деньги, то можно бы на удачу для покушения на перевес и обращение тамошних многих разделенных партий и преклонение в российские виды несколько тысяч рублей переслать; токмо о успехе в том едва ли кто поручится".

Депеша Стахиева оканчивалась так: "Гоес говорил: истребление остатка русских приверженцев, по-видимому, совершится на будущем сейме, если петербургский двор не пришлет сюда познатнее характеров и побогаче собственным капиталом министра, чем Остерман. Панин в каких стесненных обстоятельствах ни находился, однако содержанием хорошего стола приобрел себе любовь не только многих знатных особ, но и вообще большинство здешнего общества, которое сильно об нем жалеет". На это Воронцов заметил: "Рановременное, весьма тщетное и продерзостное рассуждение о графе Остермане учинено".

Из Польши приходили старые вести. Приехав однажды к литовскому канцлеру князю Чарторыйскому, Воейков нашел у него и коронного

канцлера Малаховского. Чарторыйский тотчас же стал говорить, что у канцлеров отняты почти все дела, принадлежащие к их должности, все делает по большей части надворный маршал граф Мнишек и с помощью тестя своего первого саксонского министра графа Брюля раздает чины, отчего произошло немало смуты и огорчения между шляхтою, которая видит нарушение своей конституции. В прошлом году Мнишек позвал коронного канцлера Малаховского в Люблин пред тамошний трибунальский суд за то, что канцлер обвинял его по одному делу в ассессориальных королевских судах, от которых апелляций никогда не бывало. Пример неслыханный в Польше, и хотя чрез посредство примаса и некоторых других лиц произошло между ними примирение, но с таким условием, что они лично друг против друга никакой злобы не имеют, но для удовлетворения за обиду, нанесенную характеру и должности канцлерской, Мнишек должен письменно объявить, что все происшедшее на трибунальном суде уничтожается; но этого объявления до сих пор нет. Не имея возможности сносить более подобных обид, они положили просить короля, чтоб не позволял никому вступаться в их должности и велел Мнишку дать удовлетворение Малаховскому. Потом оба канцлера начали просить Воейкова как министра гарантирующей польскую конституцию державы помочь им в этом и донести обо всем своему двору. Воейков отвечал, что давно следовало бы прекратить частные распри, что может сделаться благоразумною уступчивостию друг другу. Но так как Чарторыйский и Малаховский настаивали, чтоб Воейков вступился в их дела, то он поехал к Брюлю переговорить о жалобах канцлеров. Тот отвечал, что король только того и желает, чтоб все польские дела имели законное течение, а для этого канцлерам надобно быть прилежными; но князь Чарторыйский около двух лет в Варшаве не бывал, живет в своих деревнях, отчего вследствие переписки в его делах проволочка и остановка; и Малаховский бывает в Варшаве на короткое время; он человек добрый и не охотник до ссор и интриг, был бы и теперь покоен, если б не князь Чарторыйский, человек беспокойный, гордый, горячий, неукротимый, который и подбивает Малаховского; в этом немало помогает и стольник литовский граф Понятовский, которого Чарторыйский употребляет в интригах как человека, чрезвычайно много о себе думающего. Воейков в донесении своем отозвался: "Сколько я мог рассмотреть князя Чарторыйского в кратковременное пребывание его здесь, нахожу, что изображение его, сделанное графом Брюлем, верно, этому господину верить во всем, кажется, нельзя, ибо хотя он человек и разумный, но в высшей степени гордый, запальчивый и неукротимый. По приезде своем сюда, в Варшаву, не замедлил он вместе с братом своим князем Адамом, воеводою русским и племянником графом Понятовским быть у английского посланника лорда Стормонта, у которого просидели около двух часов".

На это канцлер граф Воронцов отвечал ему в своем письме: "С одной стороны, желательно было бы, и для чести и кредита нашего двора нужно и полезно, чтоб чрез ваше посредство министерство польское восстановлено

было в его должном значении; но с другой стороны, ясно усматривается, что граф Брюль и Мнишек, имея беспредельную поверхность у короля и будучи так огорчены господами канцлерами, не могут склониться на увещания нашего двора, имея довольно отговорок, которых посторонним опровергнуть нельзя, и объяснения по этому делу могут завести в неприятные дальности; к тому же не покушение ли это только со стороны господ канцлеров произвести некоторую холодность между нами и польским двором. Итак, по моему мнению, вашему превосходительству надобно поступать в этом деле очень осторожно и между этими матедорами содержать равновесие, дабы при нынешних наипаче критических временах прямой экилибер был, тем более что мы едва ли можем себя ласкать, чтоб через перевес одной или другой партии лучшую силу и пользу в польских делах приобрели, и почти можно по нашей пословице сказать: "кто ни поп, тот батька" ".

Приближался сейм, и Воейков узнал, что в инструкциях депутатам внесены жалобы на тягости польскому шляхетству от прохода русских войск. Когда Воейков донес об этом в Петербург, то отсюда получил приказание внушить Брюлю, как это будет чувствительно для России и вредно для общего дела и чтоб он, Брюль, употребил тайно все меры к разорванию сейма в самом начале. Воейков исполнил приказание, и Брюль отвечал ему уверениями, что сейм разорвется непременно, потому что он не допустит до избрания маршала. "Опасно только одно, - заметил Брюль, - что англичане и король прусский стараются всеми мерами довести польское шляхетство до конфедерации и употребляют немалые суммы к возмущению этого корыстолюбивого и безрассудного народа. Недавно прусский секретарь посольства Бенуа получил от своего короля много писем к полякам, между прочим и к князьям Чарторыйским. Эта фамилия с партией своею не перестает недоброхотствовать королю и явно угрожает конфедерациею, приводя на то и коронного гетмана Браницкого". Донося об этом своему двору, Воейков замечал: "Мне кажется, что поляки не вдруг решатся на конфедерацию, видя вблизи русскую армию, а некоторую часть ее и действительно в земле своей".

Сейм был разорван. После этого Воейков потребовал от Брюля другой услуги: чтоб постарался изловить прусских курьеров, которые беспрестанно ездят к прусскому эmissару в Константинополь и оттуда обратно. Обрезков доносил, что дело прусских эmissаров идет дурно в Константинополе: Турция не хочет войны, хотя крымский хан и старается всеми силами поспорить ее с Россиею, подавая жалобы на грабительства запорожцев. В октябре Обрезков дал знать, что неаполитанский посланник получил известие о появлении человека, который называет себя русским князем Иваном, свергнутым с престола в 1741 году. Самозванцу можно дать 25 лет или больше; он небольшого роста, лицо у него смугловатое, волосы черные, на лице большие рябины, на шее рана из пистолета. Он говорит по-русски, по-французски, по-немецки и несколько понимает датский и шведский языки. Скрывал он себя под частными фамилиями,

наблюдая крайнее молчание и притом учтивость, довольствуясь малым до получения ответов или векселей, которых ожидал он из Копенгагена, Берлина и Брауншвейга; писал три письма к датской королеве и пересылал их по почте; в этих письмах рассказывает он, что убежал из России в 1754 году со стороны Азова, был в разных странах Европы; в 1757 году приезжал инкогнито в Петербург, откуда уехал в Бранденбург, а отсюда - в Копенгаген, где прожил зиму между 1757 и 1758 годами до прибытия в июне месяце 1758 года русского флота, который, по его мнению, назначался для вытребования его от датского двора, почему отправлен он из Копенгагена тайным образом на остров Самсое, откуда после выпровожен из королевства для избежания столкновений с русским двором. Из Дании он отправился в Германию к принцу Фердинанду брауншвейгскому и был свидетелем Бергенского сражения; во Франкфурте его хотели схватить по приказу герцога Брольи, но он убежал в Швейцарию и оттуда в Италию. Прикрашивает он свой рассказ обстоятельствами, служащими для доказательства его справедливости, и ни в чем себе не противоречит. Из письма датского министра Бернсторфа видно, что он обманщик и был бы арестован в Дании, если б не успел убежать.

Елисавета объявила, что будет упорно продолжать войну, если бы даже принуждена была продать половину своего платья и бриллиантов. Эти слова уже заключают в себе намек на то, как терпели от войны финансы империи. В начале июня месяца генерал-кригскомиссар князь Яков Шаховской представил в конференцию, что Главный комиссариат, если не будет ему возвращено долга, который имеется на разных правлениях и простирается более чем на пять миллионов, и если не будет пополнена доимка, не надеется, чтоб на текущий год могла быть отправлена в армию вся требуемая сумма сполна; представил, что военные чины довольствованы жалованьем только за январь и февраль месяцы, а за остальные два месяца январьской трети довольствоваться уже не из чего. Конференция препроводила это донесение в Сенат; тот отвечал, что приняты меры к собранию долгов и доимок. Канцелярия от строений донесла, что у нее на Штатс-конторе долгу с 1757 года 103876 рублей; а у Канцелярии от строений были большие издержки на постройку Зимнего дворца. Резная работа в галерее этого дворца по рисунку Растрелли отдана была за 20000 рублей мастерам Жилету, Дункеру и Ролянду, которые обязались содержать на своем иждивении 50 человек иностранных мастеров и 15 человек русских рещиков; гвардейский офицер поехал в Московскую губернию набирать тысячу человек штукатуров; и велено штрафовать Ярославский магистрат за укрывательство штукатуров и каменщиков, также старосту и крестьян вотчины князя Елецкого в Любимском уезде. В конце года Канцелярия от строений требовала на постройку Зимнего дворца 60495 рублей. Сенат велел навести справки, и оказалось, что в 1755 году на строение дворца по смете отпущено 859555 рублей, потом отпущена прибавочная сумма в 372672 рубля да на внутреннее строение по 1759 год велено отпустить 143713 рублей; а с 1759

года до окончания постройки положено отпускать и отпускается по 120000 рублей в год; на этом основании Сенат приказал в отпуске суммы Канцелярии от строений отказать, пусть довольствуется назначенною суммою в 120000 рублей. Посольская свита в Париже не получала жалованья не только за 1760 год, но было недоплачено и за прошлый год. На Иностранную коллегию шло в год 191377 рублей да на чрезвычайные уплаты 29822 рубля и 1300 червонных; на Штатс-конторе числилось долгу 512713 рублей и 1300 червонных. За таможенным откупщиком Шемякиным явилась доимка в 412562 рубля; Сенат велел накрепко понудить к уплате.

По ведомостям за 1758 год продано было вина 1478643 ведра, денег в сборе было 2731675 рублей против 1749 года, когда вино продавалось разными ценами, продано меньше - 154555 ведр, а денег получено больше - 1465924 рубля. Соли продано было 6272639 пуд, против всех прежних годов меньше. Граф Петр Ив. Шувалов предложил: известно, что целовальникам на содержание в кабаках разных вещей - посуды, дров, свеч, за провоз питей и за прочее ничего не дается, следовательно, они должны на это тратить свое и впадают в вину поневоле, утаивая казенные доходы: видя это, должно предостеречь, чтоб люди под наказание приходить не могли, которого им и миновать нельзя, надобно давать им на содержание в кабаках нужных вещей. Сенат согласился. Четверо воевод было отрешено за слабое смотрение их в кабацком сборе. Тот же Шувалов объявил о приведении им артиллерийского корпуса в желаемое состояние и, чтобы вперед не могло последовать недостатков в деньгах, как прежде, предложил - из вступающих из передела медных пушек в деньги и остающихся за распределением от передела медных денег экономических сумм учредить банк собственный артиллерийского и инженерного корпусов, который бы мог представить знатный капитал на случай недостатка денег на будущие времена. Сенат признал это дело очень нужным и полезным и учреждение банка возложил на самого Шувалова.

Мы видели, что прежде из средств к увеличению государственных доходов, какие употреблялись за границу, лотерея не была признаваема полезною в России. Но теперь хотели испытать и это средство: обер-церемониймейстер барон Лефорт представил конференции проект, как согласить большую государственную лотерею с казенною пользою, чтоб не было опасения, что лотерея не наполнится или что в избежание бесславия и потери кредита надобно будет наполнить ее казенными деньгами. Конференция определила утвердить лотерею и генерал-директором ее назначить барона Лефорта под покровительством Сената; денежную лотерею по рублю за билет решено учредить в Петербурге, Москве, Риге, Ревеле и Кенигсберге.

Несмотря на необходимое по обстоятельствам стремление ко всевозможному ограничению расходов, Сенат признал нужным израсходовать значительную по тому времени сумму для награды сыну за

отцовские заслуги. Граф Петр Ив. Шувалов представил: "Чтоб побудить человека употребить все свои силы на службу отечеству - необходимо уверить его в вознаграждении; заслуга является причиною воздаяния, а воздаяние служит полным поощрением к предприятиям, опасным для того, кто на них отваживается, но полезным для его государя и отечества, и, видится, заслуга с воздаянием так сопряжена, как душа с телом. Доверие, которое оказывает нам наша государыня, обязывает нас ходатайствовать за людей, которые отваживались на предприятия, оказавшиеся чрезвычайно полезными для отечества. Семейство Ивана Кириллова находится в крайней бедности и, можно сказать, остается без пропитания, а Кириллов оказал отечеству знатную услугу: доказательством служат те плоды, которые получаются от Оренбурга и его губернии. Кириллов, будучи обер-секретарем в Сенате, в 1734 году подал проект о построении на Орь-реке города и отправлен был для приведения его в исполнение. Вследствие построения города завелась торговля, доходы от этой торговли сначала были невелики: простирались только до 4000 рублей, а теперь до 150000 и больше в год бывает, и, сверх того, имеется там пять медных заводов, на которых выплавляется в год меди до 26000 пудов; четыре железных завода, на которых выделяется железа в год до 180000 пудов, а на виновнике этого богатства Кириллове до сих пор числится долгу 7591 рубль, и этот долг надобно взыскать с сына его обер-аудитора Военной коллегии". Сенат решил подать императрице доклад, просить о пожаловании Кириллову 10000 рублей и в то число зачесть долг.

По предложению того же Шувалова восстановлена была остермановская комиссия о коммерции. Для распространения торговли надобно было защищать купцов; Сенат приказал накрепко исследовать об обидах, причиненных новоторжскому купечеству от рекрут: рекруты ограбили и избили купцов, из которых один, Тетюхин, на другой день от побоев умер. Сенат послал указ Канцелярии от строений: взять ответ от гвардии капитан-поручика Шувалова, отправленного для набора штукатуров к строению Зимнего дворца, для чего он членов Главного магистрата задержал под караулом и притом, не объявляя никакого указа, повторял только, что поступает по-солдатски, а Главный магистрат имеет такое же преимущество, как и прочие коллегии, и состоит под апелляциею Сената. Сенат имел право сажать магистратских членов под караул; по жалобе Медицинской канцелярии он приказал в тех городах, где по указу 1737 года имеются лекаря, магистратам накрепчайше подтвердить, чтоб этим лекарям жалованье и квартирные деньги производимы были из магистратов по третям года без малейшего удержания, и не продолжая по прошествии трети больше трех дней, и не принося никаких отговорок; Медицинская канцелярия пишет, что лекаря, не получая жалованья, терпят великую нужду, а магистраты, несмотря на подтвердительные указы, жалованья не платят упрямым, а потому канцеляриям тех городов взыскать это лекарское жалованье с магистратов вдвое, не принимая никакого оправдания, и одну половину отослать на госпиталь, а другую лекарям тотчас выдать и, пока магистраты двойного жалованья не заплатят,

держат магистратских судей под караулом в магистратах без выпуска. Оказалось, что в Тамбове лекарю не было выдано жалованья за 5 лет. Не везде, как в Торжке, купцы позволяли себя бить рекрутам; Юстиц-коллегия донесла в Сенат: тихвинского магистрата бургомистр Солодовников, хотя в наряжении тихвинских обывателей для бою офицеров капитана Ив. Шувалова, адъютанта Якова Голенищева-Кутузова, обозного Вас. Огибалова и не признается, и потому надлежало бы тем тихвинцам с ним, Солодовниковым, произвести пристрастные расспросы плетьюми; но он, Солодовников, совершенно изобличен, что он магистратских ходоков для высылки тихвинских посадских и кузнецов для битья тех офицеров посылал, а Тихвинского монастыря служителю Щетинину и кузнецу Кирпичникову в магистратских сенях давал по дубине, чтоб ими проводить офицеров, собравши для драки человек тридцать, - пусть офицеры в Петербурге не хвастаются; и тем, что Голенищева-Кутузова били, не удовольствовався, но еще велел поймать и бить капитана Шувалова, который по его приказу против магистрата на площади и бит. Для отвращения напрасного кровопролития и для прекращения следствия, которое тянется уже без малого четыре года, и чтобы тихвинцы, содержащиеся по этому делу, торгов и промыслов не лишились, Юстиц-контора полагает сделать следующее: 1) Солодовникова за указанную вину и прочие продерзости, что он во время содержания его в комиссии, собравшись с другими колодниками и вломаясь в судейскую камеру, кричал, что он производимым над ним следствием недоволен и чтоб их повезли в Петербург; за наглое отбывательство от следствия; за двоекратный уход из комиссии из-под караула, за битие караульного солдата и за угрозы - кто его будет брать - бить до смерти; за приход под его предводительством тихвинских обывателей в Тихвинский большой монастырь, и за разломание келейных дверей, и за увод служительского сына Быкова из-под караула, - за все это наказать его кнутом, освободить, но впредь ни к каким делам не определять. Тихвинцев, которые его слушались и били офицеров, наказать плетьюми, хотя Щетинин и показывает, что тихвинцы и кузнецы вступились за кузнеца Шепелева, которого Огибалов бил, и стали его отнимать, отчего и драка произошла; кроме того, с Солодовникова и тихвинцев, которые били офицеров, взыскать деньги за бесчестье последних. Сенат велел наказать Солодовникова вместо кнута плетьюми.

Оказалось, что учрежденные при Петре Великом в городах цехи пришли в расстройство; по этому поводу конференция рассудила: теперь было бы самое удобное время по причине военных замешательств во всей Европе получить в здешнюю империю хороших ремесленников; но всякое о том старание прилагалось бы тщетно, пока ни один цех в надлежащую силу и состояние приведен не будет, но все в нынешнем их расстройстве останутся; например, великое здесь число портных для вредной государству роскоши; но опыт показал, что едва только нужда потребовала построить вскорости на армию мундиры, то в целой Москве нашлось записных так мало, что о том и упоминать нечего; государство изобилует

лучшим железом, но когда случились чрезвычайные поделки для армии, то лучшим железом окованные повозки редко доходили до места назначения. Сенат, получивши эти замечания конференции, приказал подтвердить в Главном магистрате, чтоб цехи содержаны были и купцы торги производили по силе указов магистратского регламента; что же касается вызова ремесленников из-за границы, то без употребления знатной суммы денег обойтись при этом нельзя, а конференции известно, что по нынешним обстоятельствам и на самонужнейшие управления в деньгах крайний недостаток, поэтому о вызове ремесленников Сенат теперь определения сделать не может, а, чтоб вызывать ремесленников без казенного убытка, о том должна рассуждать комиссия о коммерции.

Но могла ли комиссия о коммерции дать торговым людям безопасность от грабежей всякого рода? 24 августа Сенат получил именной указ: "Ее императ. величеству, к крайнему гневу и неудовольствию, известно, что воронежский губернатор Пушкин и белгородский Солтыков в этих губерниях делают великие разорения и лихоимства и самые грабительства, и потому повелевает строжайше о том исследовать". Для улучшения участи однодворцев их освободили из-под власти губернаторов и воевод и дали особых управителей; но однодворцы Орловского уезда подали в Сенат просьбу: определенный не по желанию их к ним управитель гвардии прапорщик Глазов вместе с писарем разоряет их, забирает их жен и детей и, сковавши, держит в тюрьме, морит голодную смертью, бьет мучительно плетями и батогами, отдает однодворческих дочерей замуж за помещичьих крестьян: посланные от него берут за проезд большие деньги и отнимают платье, хлеб и прочие домовые скарбы, убили до смерти двухлетнего ребенка на руках у матери; поэтому однодворцы просят Глазову у них не быть, а быть им под ведением Орловской провинциальной канцелярии по-прежнему. Сенат приказал Глазова немедленно отрешить и на его место определить, кого сами однодворцы выберут. Сенат узнал, что обыватели терпят обиды и излишние приметки от вальдмейстеров, которые определены и в таких местах, где нет и лесов, годных для кораблестроения, поэтому приказал всех таких вальдмейстеров немедленно отрешить и потребовать от Адмиралтейской коллегии рапорта, кем они определены, давно ли и для чего. Наконец, Сенат постановил сменять воевод через пять лет, оставляя только таких, которые окажутся исправными и незаподозренными и об оставлении которых будут просить помещики и граждане.

Эти распоряжения Сената, происходившие в августе и сентябре месяцах, были следствием знаменитого указа императрицы от 16 августа: "С каким мы прискорбием по нашей к подданным любви должны видеть, что уставленные многие законы для блаженства и благосостояния государства своего исполнения не имеют от внутренних общих неприятелей, которые свою незаконную прибыль присяге, долгу и чести предпочитают, и равным образом чувствовать, что вкореняющееся также зло пресечения не имеет. Сенату нашему, яко первому государственному месту, по своей

должности и по данной власти давно б надлежало истребить многие по подчиненным ему местам непорядки, без всякого помешательства умножающиеся, к великому вреду государства. Несытая алчба корысти дошла до того, что некоторые места, учрежденные для правосудия, сделались торжищем, лихоимство и пристрастие предводительством судей, а потворство и упущение ободрением беззаконникам. В таком достойном сожаления состоянии находятся многие дела в государстве и бедные, утесненные неправосудием люди, о чем мы чувствительно соболезнуем, как и о том, что наша кротость и умеренность в наказании преступников такое нам от неблагодарности приносят воздаяние. Повелеваем сим нашему Сенату как истинным детям отечества, воображая долг Богу, государству и законам государя императора нашего любезнейшего родителя, которые мы во всем своими почитаем, все свои силы и старания употребить к восстановлению желанного народного благосостояния; хотя нет челобитен и доносов, но по самым обстоятельствам, Сенату известным, зло прекращать и искоренять. Всякий сенатор по своей чистой совести должен представить о происходящем вреде в государстве и о беззаконниках, ему известных, без всякого пристрастия, дабы тем злым пощады, а невинным напрасной беды не принести, но как истинному сыну своего отечества, памятуя страх Божий и свою должность, и зная, что людям, возведенным быть судьями другим, надлежит почитать свое отечество родством, а честность дружбою; которые представления уважать, заблуждения в местах исправлять, подозрительных судей сменять и исследовать и паче всего изыскивать причины к достижению правды, а не к продолжению времени. Многие вредные обстоятельства у всех перед глазами: продолжение судов, во многих местах разорения, чрез меру богатящиеся судьи, бесконечные следствия, похищение нашего интереса от тех, кои сохранять определены, воровство в продаже соли, при наборе рекрут и при всяком на народ налоге в необходимых государству нуждах, все оное неоспоримые доказательства, открывающие средства к пресечению вреда общего".

Но Елисавета не хотела ограничиться одними словами, мы видели ее гневный указ насчет губернаторов Солтыкова и Пушкина; кроме того, надобно было и Сенату дать средства к исполнению обязанностей, какого требовала от него императрица. Сенаторов было немного, и часть их заседала в конференции, следовательно, не всегда могла присутствовать в Сенате. Назначены сенаторами: генерал-поручик Костюрин, знаменитый оренбургский генерал-губернатор Неплюев, граф Роман Ларионович Воронцов и генерал-поручик Жеребцов. Таким образом, Сенат составил из следующих лиц: князя Никиты Трубецкого, фельдмаршала Бутурлина, генерал-адмирала князя Мих. Мих. Голицына, канцлера Воронцова (который, впрочем, подобно предшественнику своему Бестужеву, никогда не бывал в Сенате), графов Александра и Петра Шуваловых, князя Щербатого, Костюрина, князя Алексея Дмитр. Голицына, Жеребцова, князя Одоевского, графа Романа Воронцова, Неплюева, Хитрово и князя Мих. Ив. Шаховского. Но дело обновления Сената не могло бы иметь

важных результатов, если б остался прежний генерал-прокурор, сильно одряхлевший фельдмаршал князь Никита Юрьевич Трубецкой; он был уволен от этой многотрудной должности, и на его место назначен человек, известный своей деятельностью, правдивостью и неподкупностью, генерал-кригскомиссар князь Яков Петрович Шаховской; вместо его должность генерал-кригскомиссара получил обер-прокурор Сената Глебов, а обер-прокурором назначен граф Иван Григор. Чернышев.

Как видно, назначению Шаховского в генерал-прокуроры всего более содействовал Ив. Ив. Шувалов. По крайней мере он первый открыл Шаховскому о намерении Елисаветы назначить его на это место. Шаховской, по его словам, отвечал Шувалову, что "сие будет к наибольшему его злополучию", и когда Шувалов стал уговаривать его принять назначение, которое показывает такую великую доверенность к нему императрицы, то Шаховской прямо сказал ему, что в новом чине он будет иметь себе двоих главных злодеев: графа Петра Ив. Шувалова, который привык, не разбирая путей, проводить свои планы во что бы то ни стало, и князя Никиту Трубецкого, которого сменяют против его желания. Шувалов представлял на это, что Шаховской во всех нужных случаях найдет защиту у самой императрицы, а "что до того моего брата Петра Ивановича принадлежит, я в том вас уверяю, что он вам препятствием в полезных ваших производствах не будет".

Но столкновения между Петром Шуваловым и Шаховским были неминуемы. Шувалов, подобно многим благонамеренным людям, никак не хотел мешать другим благонамеренным людям в их "полезных производствах", никак не думал мешать и новому генерал-прокурору, когда тот будет хлопотать о введении порядка, быстроты и правды в судах, будет соблюдать экономию в государственных расходах, *если только* он не будет касаться ведомств, управляемых им, Шуваловым, не будет на них распространять своего надзора. Новый генерал-прокурор нашел, что из многих присутственных мест не присылают в Сенат ведомостей и рапортов, и обер-секретарь говорит, что от некоторых мест и требовать отчетов нельзя, как, например, из Монетной конторы и из экспедиции передела медных денег, состоящих под управлением графа Петра Ив. Шувалова. Но Шаховской находит, что можно и должно требовать отчетов и из этих мест, и посылает их требовать. Шувалов, оскорбленный, приезжает в Сенат и говорит: "Я ни от генерал-прокурора, ни от господ сенаторов, как от своих благосклонных товарищей, никогда таких требований не ожидал; если бы по каким-нибудь сомнениям и захотели посмотреть ведомость о наличных деньгах, то можно бы privately мне сообщить, я бы велел ее вам показать". "Монетная контора, - говорит Шаховской, - наравне со всеми другими коллегиями и канцеляриями находится в послушании Сенату, и потому я по обязанности своей потребовал и от нее отчета". Шувалов переменился в лице. "Так это вы, сударь, приказали", - сказал он. "Я, сударь", - отвечал Шаховской. Такие же столкновения и в конференции, куда Шаховской также поступил членом.

Ив. Ив. Шувалов должен был вступиться. Учтиво, ласково говорил он Шаховскому: "Брат мой Петр Иванович со слезами жалуется, что вы его гоните". Шаховской просит назначить день для объяснений с графом Петром Ив. в присутствии Ивана Ивановича, который должен решить, кто прав, кто виноват. Иван Ив. соглашается, и в назначенный день оба соперника приезжают к нему и садятся друг против друга. Граф Петр Ив., привыкший, по словам Шаховского, брать верх своим красноречием в рассуждениях и доказательствах, первый начал речь, складывая всю вину на Шаховского. Из собственного рассказа последнего выходит, что красноречие Шувалова сильно раздражило его, а может быть, ему представился московский его дом, наполненный больными из госпиталя. Как бы то ни было, вместо того чтобы прямо отвечать на обвинения Шувалова и представлять каждое дело в свою пользу, Шаховской употребил детский прием брани: "А сам-то ты хорош!" - собрал повторяемые врагами Шувалова слухи, объяснения корыстными побуждениями лучших, полезнейших планов Шувалова, и все это вылил вдруг ему на голову. Вся Россия волнуется от недостатка соли вследствие невольной монополии пермских промышленников; Шувалов предлагает самое простое и действительное средство помочь беде - добывать соль из другого источника, из Элтонского Озера, и беда прекращается. Заслуга бесспорная! Как же представляет ему дело Шаховской: "Вы сделали это для умножения собственных ваших доходов, дабы всех государственных крестьян, которые промышляли поставкою на соляные пермские варницы дров, обратить на рудокопные заводы, из которых лучшие вы взяли себе". Шаховской не пропустил, не запятнавши, и полезнейшего дела Шувалова - уничтожения внутренних таможен. "Вы, - говорит он Шувалову, - освободили чрез это и собственное железо от внутренних пошлин, да, говорят, что по вашему приказанию купцы поднесли императрице бриллиантовые вещи и вам самим бриллиантовую Андреевскую звезду". Разумеется, Шувалов не мог унизиться до ответов на такие речи, не мог унизиться до ответа, что нельзя ему было удержаться от предложения благодетельной для страны меры - уничтожения внутренних таможен потому только, что чрез эту меру и его железо освобождалось от пошлин и т. п. Он встал и, учтиво поклонясь Шаховскому, сказал: "Покорно благодарствую за милостивую вашу мне откровенность, а я уже довольно вижу, как ваше сиятельство имеет особливый дар своими доказательствами повергнуть брать и слушателей к своим мнениям склонять". Шаховской не понял иронии последних слов и простодушно описал в своих записках это свидание, выдавши себя Шувалову головою перед потомством, перед которым осталось скрыто, как оправдывал Шувалов свои столкновения с Шаховским в Сенате и конференции.

Новый генерал-прокурор начал опять настаивать, чтоб члены присутственных мест приезжали в указные генеральным регламентом часы. Но Канцелярия конфискации донесла, что хотя она и должна штрафовать всех воевод, которые приезжают не в указные часы, однако к наложению штрафов имеет сомнения: 1) по генеральному регламенту

велено съезжаться в самые короткие дни в шестом, а в долгие в осьмом часу; только по которое именно время короткие и долгие дни числить, на то точного изъяснения нет. 2) Из разных городов пишут, что воеводы в канцеляриях находились, а в котором часу приходили и выходили, о том за неимением в тех городах часов писать не с чего. 3) В Гремячевской воеводской канцелярии во многих числах присутствия не было за неимением судных и розыскных дел, и за такие неприяствия штраф взыскивать ли? Канцелярии конфискации с этим делом справиться нельзя за малоимением секретарей и приказных, ибо во всем государстве, кроме остзейских, Сибирской и Оренбургской губерний, городов, пригородов и дистриктов 250, из которых каждую треть по такому же числу и репортов вступать должно. Сенат по этому доношению приказал: где часов нет, там держать песочные часы; где присутствия не было за неимением дел, там штрафов не взыскивать; могут приезжать и после означенного в регламенте времени по неисправности часов, но чтоб все приезжали непременно в одно время и оставались в присутствии столько времени, сколько назначено регламентом, а по нужде и сверх определенных часов, чтоб в делах упущения не было.

Заметим важнейшие случаи судебных решений. Мы упоминали о самом крупном деле из ряда помещичьих усобиц и наездов: о деле Львовых с Софоновым, где погибло столько крестьян. Наряжена была особая комиссия по этому делу; но Львовы с Софоновым помирились и просили об уничтожении комиссии. Сенат отвечал: хотя они между собою и помирились и Софонов Львовыми в иску своем удовольствован, однако учиненных ссор, драк и смертных убийств без следствия оставить нельзя и, кто по следствию окажется виноват, с тем поступить по указам. Юстиц-коллегия прислала экстракт из дела: люди драгунского Воронежского полка полковника Тимофеева с пыток показали, что они задавили полковничья человека Полякова по приказанию полковника за связь его с женою последнего, а полковница к тому убийству согласия с ними не имела: убийство они совершили в то время, когда полковница пошла в клеть, где жил Поляков, и, вызвав из клетки жену Полякова, ввела ее в черную избу; они воспользовались этим временем, вскочили в клеть и задавили Полякова; это было в полночь, что и навело подозрение на барыню; кроме того, она приказала вырыть тело Полякова из омшеника и отнести в лес. Полковница говорила, что она вызывала жену Полякова в черную избу для хозяйственных распоряжений и, узнав об убийстве, приказала тело отрыть и похоронить при церкви; не донесла об этом, боясь мужа, но сказала тайно духовнику. Воронежская губернская канцелярия и Юстиц-коллегия присудили полковницу пытать; но Сенат приказал о пытке мнение Юстиц-коллегии отставить, ибо в Уложении доносам крепостных людей верить не велено, и полковницу Тимофееву, как много лет под караулом содержавшуюся, освободить без всякого штрафа, ибо она наказана держанием под караулом за то, что, зная об убийстве, не доносила, да ей и сделать этого не надлежало.

По-прежнему из внутренних дел больше всего беспокоили правительство крестьянские волнения. Усмирены были крестьяне, приписные к шуваловским железным заводам в Казанском уезде. Для охранения крестьян Кадомского уезда как безгласных от обид и разорений, по их собственному прошению Сенат назначил в управители к ним отставного прапорщика Жданова. Галицкой провинции в селе Егорьевском крестьяне перестали слушаться помещика своего Тараканова; послан был к ним комиссар с командою и понятыми и читал печатный указ в церкви; но крестьяне объявили, что указ состоялся по челобитной помещика их и потому они его и слуг его и вперед ни в чем слушаться не будут; собралось в Егорьевском крестьян с дубинами и длинными ножами до 300 человек, комиссара с командою выслали вон и больше об указе говорить ему не велели. В Арзамасском уезде возмутились крестьяне помещика Бессонова.

Но больше было дела с монастырскими крестьянами: в начале года поступили в Сенат четыре жалобы крестьян разных монастырей на незаконные поступки, разорения и мучительство от монастырских властей, управителей и служек; крестьяне писали, что били челом архиереям и в Синод, но управы не получили. Потом из Кабинета пересланы были в Сенат просьбы крестьян Кашинского уезда вотчин Колязина монастыря, Шацкого уезда вотчин Новоспасского монастыря, Белевского уезда вотчин Спасопреображеньева монастыря, Ярославского уезда вотчин Спасоярославского монастыря, Муромского уезда вотчины соборной муромской церкви. От Кабинета было сообщено, что челобитчики, выборные от мира крестьяне, все вместе, должно быть, от нестерпимых обид отважились с великим криком подать свои просьбы самой императрице, и хотя запрещено подавать просьбы самой императрице, однако она их прощает и приказывает немедленно окончить их дела. Кроме того, поданы были жалобы от крестьян Иосифова монастыря Волоцкого и других. Сенат объявил Синоду, что хотя жалобы этих крестьян без исследования прямо и нельзя признать справедливыми, однако если б не было им излишнего отягощения, то не стали бы жаловаться без причины. Крестьяне Иосифова монастыря сами просят, чтоб по их делу была учреждена особая комиссия, и так как уже существует комиссия по делу крестьян Новоспасского монастыря, то решено передать ей же и рассмотрение жалоб остальных монастырских крестьян. В комиссию назначено четыре светских члена, а Синод пусть назначит от себя членов, сколько заблагорассудит.

Крестьяне Саввина Сторожевского монастыря не ограничились подачею просьб: собравшись человек до 300, они пришли под монастырь с дубьем и просились у сторожей, чтоб их пропустили к казначею; ворота, разумеется, заперли; тогда они стали в них ломиться, крича, чтоб выдали им приказного, певчего да конюха, грозясь убить их до смерти. Потом вторично собрались до 2000 человек и расположились около монастыря по всем дорогам, осматривали проезжих, искали троих крестьян, взятых под монастырем посланною от Синодальной конторы военною командою,

кричали, что если им не отдадут этих крестьян и требуемых ими приказного, певчего и конюха, то они военную команду не только из монастыря не выпустят, но и перебьют. Послан был против них капитан с сотнею солдат. Синод доносил, что возмущение это произведено двоими бежавшими из монастыря монахами и когда этих монахов поймали, то крестьяне отбили их и осадили монастырь. Капитан не застал крестьян под монастырем, но уже за монастырскою слободкою; они напали на команду и двоих солдат ранили; команда должна была стрелять пулями, но от ярости нападающих крестьян отступила к монастырю, причем из команды было ранено 30 человек. Сенат приказал отправить еще 200 человек солдат с штаб-офицером и от Синода требовать, чтоб велел священникам уговаривать крестьян смириться.

Волнения монастырских крестьян должны были двигать тяжелый вопрос об изменении управления церковными имуществами и доходами с них. 3 июля Сенат в силу именного повеления императрицы имел рассуждение о монастырских крестьянах и собираемых с них доходах и об учреждении инвалидных домов, причем призван был обер-прокурор Синода князь Козловский и объявил, что Св. Синод имеет намерение на содержание инвалидов отпускать по 200000 рублей в год, а может быть, и больше. Затем 6 октября была у Сената конференция с Синодом. Вошел в Сенат Димитрий (Сеченов), архиепископ новгородский, Сильвестр петербургский, Вениамин, епископ псковский, Порфирий коломенский. Генерал-прокурор князь Шаховской предложил, что 30 сентября 1757 года императрица приказала иметь рассуждение о монастырских и архиерейских доходах, и только 24 июля 1760 года была по этому делу конференция у Сената с Синодом, однако никакого решения не утверждено и не подписано, почему он, генерал-прокурор, видя, что именной указ три года не исполняется, долгом своим считает предложить общему собранию учинить точное исполнение, изыскав ближайшие средства. Синодальные члены объявили, что они утверждают на своем мнении, высказанном 24 июля, а именно: 1) если определить к управлению и сбору доходов в архиерейские и монастырские деревни офицеров, то от них последует наибольшее деревням разорение, и оттого между офицерами и монастырскими властями будут всегдашние беспокойства и затруднения, как то и было, когда деревни ведались в Монастырском приказе, почему в 1720 году Петр Великий обратно отдал их в монастыри. 2) За прошлые годы на учреждение инвалидных домов и содержание отставных взыскать денег нельзя, потому что не было никакого расположения на все монастыри, по скольку где содержать отставных, а всегда и ежегодно присылаемые на пропитание в монастыри отставные принимались и от монастырей были довольствованы и довольствуются, и, сверх того, отсылаются некоторые доходы в экономию на указные расходы, известий же о всех собираемых доходах и сделанных поступках, и всего этого по заочности и отдаленности нельзя, если же производить счет и следствие, то настоящие власти за умерших ответа дать не могут. 3) Содержащиеся при монастырях отставные жалуются на монастырские власти, а власти на

отставных в излишних требованиях и неумеренных поступках, и всего этого по заочности и отдаленности епархиальным архиереям усмотреть и отвратить нельзя. В отвращение этого Св. Синод полагает, чтоб отставных при монастырях вовсе не содержать, а вместо того положить всех архиерейских и монастырских крестьян в помещичий оклад, и из этих денег Св. Синод будет отпускать ежегодно по 300000 рублей да, сверх того, в экономию на указные расходы, как-то: на Синод, палестинские дачи, содержание богаделен, госпиталя и проч. до 60000 рублей, наконец, с вечных памятей и из типографских доходов Св. Синод будет дополнять, чтоб означенной суммы на те расходы доставало, а вотчинам быть в управлении архиерейских домов и монастырей по-прежнему с обязанностию содержать архиерейские дома с семинариями и в монастырях поддерживать все тамошние постройки. Если же всего вышеписаного ее импер. величество в апробацию принять не соизволит и какое высочайшее повеление последует, по тому Св. Синод непременно исполнять имеет.

Но чрез несколько дней после этого заседания как нарочно приходит известие об усобице между монастырями по поводу владения вотчинами. Отставной поручик Карманов, гвардии сержант Сукин и два солдата, находившиеся на пропитании в Новоспасском монастыре, донесли, что они посланы были от этого монастыря для присмотра над монастырскими крестьянами, косившими луг, находящийся в Московском уезде на речке Голедянке; но когда, скося траву, они намерены были ее везти в монастырскую конюшню, то наместник Андроньева монастыря Маркелл, собравшись многочисленным с монастырскими слугами и крестьянами, безо всякой причины напал на служителей и крестьян Новоспасского монастыря, и у некоторых из них поломали руки, и пробили головы, и ограбили; Карманов с товарищами бил челом в Синодальной конторе и Московской консистории, но их прошений не принято.

Дело о притеснениях татар и бухарцев тобольским епархиальным начальством не было розыскано смешанною комиссиею из духовных и светских лиц, потому что члены комиссии перессорились, и Сенат должен был закрыть комиссию, оштрафовавши ее членов, и передать дело на рассмотрение новому сибирскому митрополиту и губернской канцелярии.

Далее на восток, в Иркутске, была также комиссия по делу о расхищении купцами этого города питейных сборов на сумму 150000 рублей. Купцы повинились и прислали челобитную, что половину этих денег заплатят, но другой половины заплатить не могут, ибо, кроме домов и пожитков, у них ничего не останется. Сенат решил не взыскивать другой половины и не подвергать их никакому наказанию. При следствии вице-губернатор генерал-майор Вульф и товарищ его полковник Слободской извинялись незнанием приказных дел. Но скоро нужно было наряжать особую комиссию для исследования поступков председателя этой иркутской комиссии коллежского асессора Крылова. В Сенат дано было знать, что

этот Крылов позвал к себе в гости иркутского вице-губернатора Вульфа, затащил его в комиссию, отобрал у него кортик, потом вытолкал оттуда и провозгласил себя управляющим губернией. Сенат послал курьера привезти Крылова в окопах в Петербург. Между тем Крылов прислал донесение, что был он с Вульфом в гостях у купца Зайцева и он, Крылов, секретаря Иркутской канцелярии Брусенцова за неучтивые слова от себя оттолкнул, а Вульф, вскопча азартно, выдернул из ножен кортик и поколол его, Крылова, в руку. Потом они все вышли из дому, и Крылов потребовал от Вульфа, чтоб тот шел с ним в комиссию, где Крылов спрашивал у Вульфа, для чего он такое злодейство над ним учинил, и Вульф отвечал, что он пруссак; тогда он, Крылов, боясь, чтоб Вульф его до смерти не заколол, потребовал от него кортика, который Вульф и отдал. Сенат не переменял своего решения, и мы услышим еще о других деяниях Крылова.

И в Сибири не обошлось без крестьянского восстания. В Ялуторовском уезде крестьяне подали прошение, что они от казенной пахоты и от снятия хлебов отказываются. Послан был увещевать их прапорщик с командою, и когда зачинщиков начали брать, то крестьяне ударили на команду с дубинами, отбили старосту и прочих зачинщиков, всю команду разбили, прапорщика дубиною по лицу ранили, причем у крестьян были ружья и штыки; дьякон Курганской слободы по выходе от заутрени всенародно кричал, что зло злом и искоренять надобно, а поп Иосиф пускал крестьян на колокольню, объявляя, что она строена ими. Сенат приказал объявить крестьянам, чтоб были послушны, а губернатору рассмотреть, удобно ли иметь пахоту земель или вместо того оброчный хлеб собирать с крестьян; пуших заводчиков бить плетьюми и сослать в Нерчинск на работу; о попе и дьяконе послать ведение в Синод.

Сибирь становилась все важнее и важнее по своим подземным богатствам, которые возбуждали большие надежды, особенно при тогдашних затруднительных финансовых обстоятельствах вследствие затянувшейся войны. Эти обстоятельства заставили обратить внимание и на противоположную, западную окраину, нельзя ли из остзейских областей и русской Финляндии получить больше, чем сколько теперь получалось. По этому поводу вышло столкновение у Сената с конференциею. В Сенате получен был экстракт из протоколов конференции о сборах с Лифляндии, Эстляндии и Финляндии; спрашивалось: какие эти области несли тягости прежде, под шведским владычеством, и что теперь с них получается? В заключение требовалось, чтоб Сенат, рассмотря все это и положив мнение, подал в конференцию. Сенат приказал отвечать: в конференцию сообщить экстракт из протокола, что надобные по этому делу известия и справки собраны, по которым Прав. Сенат рассуждение имел, но решение не состоялось, во-первых, потому, что собрание сенаторов было неполное, а во-вторых, потому, что Прав. Сенат, как первое государственное место, кроме ее импер. величества, не обязан никому свои мнения подавать, к тому ж господа конференц-министры все сами присутствующие в Сенате, следовательно, то дело, как государственное, должно решить всему Сенату

в полном собрании. Подписали: Неплюев, кн. Алексей Голицын, кн. Одоевский, Жеребцов, граф Роман Воронцов, Костюрин, кн. Михаил Шаховской.